

Анна Волкова

Не бояться и победить

18+

Анна Волкова

Не бояться и победить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70563658

SelfPub; 2024

Аннотация

Сюжет этой книги написала сама жизнь. Кому-то может показаться, что она про боль и страдания...но нет! Тут другое. Это светлая и жизнеутверждающая история про путь к себе, который порой не возможен без потрясений.

Анна Волкова

Не бояться и победить

От автора

«Не бояться и победить» – это первое, что я написала в своем личном дневнике, когда узнала, что тяжело больна. Тогда было совершенно непонятно, чем закончится эта история, но, видимо, подсознательно с самого первого дня я сделала свой выбор. Это мой личный опыт преодоления серьезных жизненных трудностей и вместе с тем духовного роста.

Все чувства и эмоции, изложенные в книге, абсолютно подлинны, а мне впервые пришлось оголить свою душу перед незнакомыми людьми. Зачем я это сделала? Хотела подарить надежду на выздоровление тем, кто не верит в себя.

Если смогу помочь хоть одному человеку настроиться на борьбу, то буду считать, что все было не зря!

Бог говорит с человеком шепотом любви, если он не слышит, то голосом совести, если он не слышит – через рупор страданий.

Клайв Стейплз Льюис

Другая жизнь

Это действительно переворачивает сознание...

Я оказалась в неприветливом холле приемного отделения одной из московских больниц в самый обычный день. Мне кажется, что все подобные истории начинаются именно в такие дни, дни, которые, на первый взгляд, ничем не отличаются от череды подобных.

Сию и прокручиваю в голове разговор с врачом поликлиники.

– Вам срочно нужно в больницу!

– Могу я заехать домой собрать вещи? – спрашиваю я, но понимаю, что ответ на этот вопрос мне известен.

– Честно? Вообще непонятно, как вы нашли силы и приехали к нам, обычно пациенты с такими анализами не могут передвигаться самостоятельно!

– Но ведь мне помогут?! Что это может быть?

– Нужно срочно перелить донорскую кровь, чтобы хоть успеть вас обследовать, и тогда будет понятно, с чем мы имеем дело...

– Успеть обследовать? Значит, можно и не успеть?

Все эти слова не давали мне покоя, было ощущение нереальности происходящего.

Сквозь пугающие мысли я услышала, как кто-то назвал мою фамилию. Меня вызвал на осмотр, очевидно, уставший от жизни медбрат, я явно не радовала его своим присутствием, но это особо не напрягало, так как мозг был занят тем, что перебирал возможные причины происходящего.

Медбрат протянул мне градусник.

– Вот, возьмите, нужно померить температуру.

– Хорошо, только мне уже мерили врачи скорой помощи.

– Все равно нужно перемерить, порядок такой.

– Ладно, – согласилась я и засунула градусник под мышку.

Медбрат активно стучал пальцами по клавиатуре, а я си-

дела на кушетке и ждала.

– Градусник давайте, – как-то излишне грубо сказал медбрат и начал кому-то звонить.

– Ждите, сейчас придет инфекционист и решит, куда вас отправить, возможно, придется оформляться в ковидный корпус.

Интуиция подсказывала, что мне туда попадать нельзя. Началась внутренняя паника, которую удавалось заглушить только мысленной молитвой.

Пришел молодой весьма доброжелательный врач, посмотрел мои последние анализы и присвистнул:

– Ого, нечасто такое встретишь!

Доктор взглянул на меня с нескрываемым сочувствием.

– Ладно, давайте посмотрим горло, думаю, что температура не связана с какой-либо инфекцией, скорее, это другое...

После тщательного осмотра инфекционист велел медбрату направить меня в отделение гематологии. Решение было спасительным, но осознание этого пришло позже.

Когда с формальностями было покончено, меня повели по извилистым коридорам в отделение. По дороге я увидела на стене два мирно соседствующих указателя: «Отделение

гематологии» и «Отделение онкологии», подумала – хорошо, что мой вариант не второй, стало не по себе даже от одного только названия.

Сил уже совсем не осталось, и я еле-еле поспевала за энергичной санитаркой, которая, завернув в одну из палат, позвала меня за собой.

Я вошла в палату и сразу присела на свободную кровать.

– Вот, деточка, располагайся. Если что-то понадобится, то нажми на красную кнопку, придет медсестра.

Последнюю фразу я почти не слышала, так как испытала настоящий шок. На соседней койке сидела совершенно истощенная, лысая женщина и с интересом за мной наблюдала. Я не хотела показывать ей свое удивление и страх, но внутри меня все рыдало. Поначалу я даже не могла смотреть на нее, а главное, пыталась себя убедить, что такие пациенты редкость в отделении и мне уж точно не грозит такая трансформация.

Это было попадание в другое измерение, в параллельную реальность, не имеющую ничего общего с жизнью, которую я знала до этого дня. Что говорить, как вести себя в обществе таких людей, я не понимала.

Каково было мое удивление, когда я уловила позитивное настроение моей невероятной соседки. Она была почти счастлива, я давно не видела такого состояния даже у абсолютно здоровых людей! Она с улыбкой рассказывала, как попала в это отделение в крайне тяжелом состоянии, даже хо-

дить не могла, а теперь вот на своих двоих домой уходит, и даже есть шанс, что химиотерапию скоро разрешат сделать. Только вдумайтесь в то, что она с восторгом мне говорила! И поверьте, она была бесконечно счастлива. Позже мне удалось все понять, но тогда просто не укладывалось в голове.

В дверь постучали, и зашла врач. Это была женщина средних лет, очень серьезная и максимально сосредоточенная на своем деле. Без лишних эмоций она выполнила привычную для нее процедуру сбора анамнеза. Все, как обычно: чередой вопросов и назначение анализов.

– Вся информация по результатам исследований, – выпалила доктор, ни единым мускулом не выдав своего отношения к реальному положению дел.

Дальше это бесконечное ожидание... Соседка поехала домой, и я осталась со своими тревожными мыслями один на один.

Наверное, всем известно мучительное ожидание, которое длится целую вечность. Пытаешься отогнать от себя плохие мысли, но они умудряются пролезать в сознание и властвуют над ним, превращая такое ожидание в пытку.

Вскоре пришла медсестра, за собой она везла тележку с различными склянками и приспособлениями, но особенно выделялся мешочек с ярко красной жидкостью, в котором, очевидно, была донорская кровь. Мне стало не по себе от мысли, что в моих жилах будет течь еще чья-то кровь, кроме моей собственной. К этому еще предстояло привыкнуть...

Медсестра ловкими движениями поставила катетер, сразу взяла у меня анализы и подключила капельницу с донорской кровью.

Я наблюдала за тем, как опустошается пакетик с драгоценной жидкостью, и думала, что какой-то совершенно незнакомый человек сейчас спас мне жизнь. Столько раз слышала про людей, которые сдают кровь, но только сейчас осознала всю значимость этого благого дела. Почему раньше я никогда не задумывалась о таких вещах? А, ну конечно – это ведь не касалось лично меня или моей семьи, зачем мне было об этом думать? Я дитя своего времени и так же заражена эгоцентризмом, как большинство моих сверстников.

Ночью стало особенно тревожно, и несмотря на дикую усталость и слабость, я совсем не могла заснуть.

Где-то в подсознании пронеслась мысль: «Сегодня 21 сентября – Рождество Богородицы», и стало как-то спокойнее, как будто я почувствовала ее незримое присутствие.

Утром был обход, пришла делегация из четырех человек. Это меня сразу насторожило. Во главе шел седой мужчина, который представился как заведующий отделением. Вид у него был очень напряженный. Пульс участился, стало по-настоящему страшно. Заведующий задал несколько вопросов, и врачи стали обсуждать мои анализы, которые, как я поняла из разговора, не предвещали ничего хорошего от слова «совсем»! Мои пальцы вцепились в простыню, и стало как-то стучать в висках, в голове творилась полная чехарда.

– У вас есть братья или сестры? – зачем-то спросил заведующий.

– Есть брат.

– Это хорошо. А лет ему сколько?

– Сорок восемь.

– В принципе подойдет.

– Подойдет для чего?

– Да это так, на будущее. Сейчас не думайте об этом. Лучше скажите, вы сможете найти кого-то из друзей или близких отвезти пробирки с анализами по адресу, который я сейчас напишу?

– Даже не знаю, нужно подумать.

– Найдите срочно курьера, это в ваших интересах.

– Я поняла, решу.

Процессия покинула помещение, не выдав мне даже предположительного диагноза.

С доставкой пробирок согласился помочь свекор. Всегда очень отзывчивый, он без вопросов обещал приехать к назначенному времени.

Через несколько часов меня пригласили в процедурный кабинет для взятия пункции костного мозга. Я, не будучи врачом, понимала, что это означает. Когда вкалывали огромную иглу в кость, все мысли были об одном: что будет с моими детьми и любимым мужем? Есть ли у меня право их подвести? Нет, нет и нет, решила я для себя очень твердо!

– Доктор это онкология? – неуверенно произнесла я

неприятную на вкус фразу.

– Скорее всего, острый лейкоз, – глядя мне прямо в глаза, ответила врач.

– Есть шанс, что это не он?

– Половина шанса из ста! Но не отчаивайтесь, будем вас лечить. В любом случае нужно дождаться результатов биопсии.

Тот день был одним из самых худших в моей жизни. Минут двадцать я металась по палате, как раненый зверь, все казалось нереальным. Не понимая, как заглушить эту боль, раздирающую грудную клетку, просто выла. Воображение рисовало страшные сюжеты, в которых дети учатся жить без мамы, а муж впадает в отчаяние.

Вдруг меня как током пронзило, и я сказала себе – стоп! Подсознание зацепилось за мысль, что, возможно, именно сейчас пришло время перейти от слов к делу! Вынуть из сундука свои хваленые жизнеутверждающие лозунги, которые я обычно щедро раздавала тем, кто находился в тупике, и доказать наконец самой себе и окружающим, что все это не просто слова, а позиция! Позиция, при которой ничего не страшно, если ты живешь с Богом.

Ведь одно я знала наверняка: Господь любит нас! Поверьте, даже в тот жуткий день я это понимала и благодарила его за все! Именно в такие моменты нас спасает вера! Мы не знаем, для чего нам дано такое испытание, возможно, для осознания чего-то очень важного. Задумка эта доступна

только Всевышнему.

Как только я наладила свой диалог с Богом, в палату зашла девочка, молодая, улыбающаяся, с глазами, наполненными особым смыслом. Она бодро разместилась на соседней койке, и мне сразу захотелось с ней познакомиться.

– С чем лежишь? – спросила моя новая соседка.

– Диагноз уточняется, скорее всего, острый лейкоз, – с особенным пренебрежением назвала я имя своего врага.

– У меня тоже, – сказала соседка без тени какой-либо грусти. – Я уже почти год лечусь и сейчас приезжаю только на пункцию раз в три месяца.

Это вселило в меня огромную надежду! Я с большим удовольствием слушала ее рассказы о том, как она вернулась к нормальной жизни, занимается ребенком, путешествует, а главное, радуется каждому дню. Это дано не многим – ценить каждый подаренный день, и можно прожить многие годы, так и не получив этого озарения. Общение с лучезарной девочкой оказало на меня огромное влияние. Сознание потихоньку стало меняться.

Уверена, что не бывает случайных людей в нашей жизни. Каждая встреча несет в себе определенный смысл, и мы не всегда способны разгадать, чем тот или иной человек нам полезен. Один спасает нас своим теплом, другой – испытывает, третий своим примером показывает, как не сломаться, попав в трудную ситуацию. Так мы меняемся, растем и движемся вперед.

Уже в первые дни моего пребывания в больнице моей семье пришлось столкнуться с серьезными трудностями бытового плана. Все произошло настолько быстро, что мой муж оказался на руках с тремя детьми, двое из которых школьники и малышка 1 год 8 месяцев. При этом еще нужно было работать.

Также не радовали события на мировой арене, шла уже практически полномасштабная война с Украиной, объявили мобилизацию, было страшно, что мужа заберут, не разбираясь в ситуации.

В этот непростой момент мы сплотились как никогда. Взяли себя в руки и просто стали делать все, что можем, для достижения общей цели! Как говорил римский император и философ Марк Аврелий: «Делай, что должно, и будь что будет!» Тут все зависело от нас, и от нас не зависело ничего.

На следующий день после пункции пришли мои анализы, которые подтвердили диагноз. После его оглашения мне стало как-то легче. Когда ты осознаешь неизбежность происходящего, то смириться становится проще, переходишь к следующей стадии понимания ситуации. В тот момент я решила, что **это не моя болезнь и я очень быстро от нее избавлюсь!** Сейчас это кажется забавным, но это утверждение я написала на клочке бумаги и всегда держала перед глазами. Если вдруг бумажки не было на видном месте, медсестры интересовались, куда она делась, и просили вернуть на

место.

Перед началом лечения меня отпустили домой на выходные, это определенно дало заряд энергии, появились силы для того, чтобы бороться.

Приехав домой, я смотрела на привычные вещи другими глазами. Все было особенно ценно, хотелось раствориться в атмосфере домашнего уюта. Все запахи здесь были такими родными, каждый метр был заполнен дорогими моему сердцу безделушками, одни напоминали о путешествиях, другие хранили в себе воспоминания о том, как росли наши дети. На всем белом свете не было места лучше, чем наше гнездо, которое мы так долго вили. Стены этого дома помнили, как мы спотыкались на своих ошибках, как праздновали свои победы, как ненадолго уезжали, чтобы соскучиться и вернуться вновь.

Когда на пороге квартиры появился муж, то захлестнула волна эмоций, мы обнимались и плакали! В этих объятиях были любовь и боль одновременно. Тут не нужны были слова, да и что тут скажешь, когда такое испытание свалилось, как снег на голову. За двадцать лет совместной жизни мы много раз падали и вставали, и в этой тишине было то, что понятно только нам двоим.

А ведь еще нужно было как-то подготовить детей к тому, что меня большой промежуток времени не будет дома, так как лечение планировалось очень сложное и длительное. За ужином аккуратно сообщила, что заболела. Подбодрила их

тем, что мы одна команда и если они будут нам с папой помогать, то мы быстро преодолеем все трудности. Дети как-то сразу все поняли, не было лишних вопросов, они были готовы взяться за руки и делать все от них зависящее.

Выходные мы провели дома в полном составе. Я постаралась наладить быт так, чтобы моей семье было максимально удобно во время моего отсутствия. По окончании всех приготовлений стало как-то легче на душе. Потом мы, конечно, лежали все вместе на огромной кровати и бесконечно обнимались. Тогда я твердо решила, что у меня только один путь, и я пройду его достойно!

Начало лечения

Как и обещала, я прибыла в больницу в воскресенье вечером, чтобы утром в понедельник начать курс химиотерапии. Начало химии, по ощущениям, – это некий рубеж, после которого сжигаются все мосты. Конечно, не было понимания того, что меня ждет, а читать в Интернете – не мой метод. Нужно было просто настроиться на позитивную волну, и я это сделала.

Уверенности мне добавила процедурная медсестра, которая заступила на дежурство в тот день. Разговор с ней до сих пор помню в мельчайших подробностях.

– Девочка моя, ты не бойся! Я с тобой буду весь курс, во всем помогу, все расскажу! Кстати, курс тебе хороший назначили, всем помогает обычно. Я столько вот этими руками вылечила, и тебя вылечим! Ты, главное, не читай Ин-

тернет, там ерунду всякую пишут, только настроение испортишь.

– Что, правда многих вылечили?

– Конечно! Приходят потом с цветами, а я их уже и не узнаю многих, так хорошо выглядят. Вот недавно пришел один мальчик, давай меня обнимать, а я не пойму, кто такой. Когда пригляделась, глазам своим не поверила. Привезли его из другой больницы, умирал парень буквально, долго боролись за него! Помню, он еще молился без устали! Ну ведь выходили мы его... Самое главное – это твой настрой, даже врачи об этом всегда говорят.

Как важны были эти слова, как вовремя они были сказаны, как много может значить для человека такая поддержка!

Первым делом меня повели в реанимацию для постановки центрального венозного катетера. Я не имела представления, что все это значит. Опять череда коридоров и ожидание неизвестного. Мимо провозят каталки с послеоперационными пациентами, много врачей, которые в будничной суматохе меня даже не замечают. В сопровождении медсестры захожу в реанимационную палату. Все, как в кино: большие функциональные кровати, шторы между ними, выложенные плиткой стены и пол. С непривычки ноги становятся ватными, хочется развернуться и бежать куда глаза глядят, но нужно быть сильной. В палату вошел врач-анестезиолог, он находился в отличном настроении, подшучивал над медсестрой, и его доброжелательный настрой меня немно-

го успокоил. Легла на кровать. Медсестра стала протирать спиртом область ключицы, врач сделал укол с местной анестезией, затем ввел под ключицу трубку. **Единственное, что я могла делать в этот момент, – читать Богородичное правило, с тех пор оно стало моим спасением от многих страхов.**

Возвращаясь в палату, ощущала на шее множество трубочек, в голове звучала фраза: «Ничто уже не будет как прежде!»

В палате меня ожидала капельница с химией. Ее должны были установить на семь суток. Семь суток нужно будет с ней спать, есть, ходить в туалет. Семь суток эта гадость будет поступать в мой организм, и еще неизвестно, как я на нееотреагирую. Радости это во мне не вызывало, но я пришла выздоравливать!

Химиотерапия оказалась не такой страшной, как мне представлялось. Медсестры заранее делали противорвотные уколы, и тошноты поначалу совсем не было. Затем подключилась химия в таблетках, и она не вызвала видимых побочных. Конечно, чувствовала я себя паршиво, но думала, что будет значительно хуже.

* * *

Все это время мы находились с семьей на видеосвязи. Мужу было очень тяжело. Приходилось возить детей в школу и обратно, сына на хоккей, старшую дочку на танцы, малышка всегда с собой, а еще работа, а еще быт. Я не знаю другого

мужчину, который смог бы такое осилить. При этом с каждым днем энергии у него становилось все меньше и меньше. Нужно было перестраивать весь жизненный уклад под сложившиеся обстоятельства, иначе не справиться. Постепенно мы пришли к тому, что старшие дети будут ездить в школу на метро, малышка пойдет в детский сад на три часа в день, а свекровь со свекром, за что я им очень благодарна, будут два раза в неделю заниматься маленькой, готовить еду и гладить белье на несколько дней вперед. Стало значительно легче. Еще раз в своей жизни я убедилась, что во всем важно наладить систему, тогда гораздо проще получить желаемый результат в любом деле.

Радовало, что хоть и виртуально, но я могла всех видеть, и это, пожалуй, главное достижение современных технологий. Когда семья собиралась за ужином, я была с ними, они готовились идти в школу – и я тут, и так весь день. Благодаря этим встречам разлука не была совсем уж горькой.

Моя свекровь, которая давно заменила мне маму, тоже всегда была на связи, я знала, что могу позвонить ей в любой момент и она выслушает, поможет советом или просто скажет что-то ободряющее.

Таким образом, невзирая на расстояние, я получала тепло от семейного костра.

Еще в первые дни лечения я приобрела набор для вышивания крестиком, это мне очень помогало. Во-первых, кар-

тинка была разноцветная и яркая, что наполняло мою жизнь красками. Во-вторых, это было одно из моих любимых занятий, что позволяло скоротать время с удовольствием, и в-третьих, это заставляло мозг работать. А еще на картинке был изображен дом с прекрасным садом, и я представляла себя в нем. Мне виделось, как сижу на веранде с чашечкой ароматного чая и куском свежее испеченного пирога. Дом наполнен радостным смехом и предвкушением праздника. Это была своего рода визуализация моих желаний. Привычка мечтать осталась у меня еще с детства и не раз выручала в трудные дни.

Состояние не всегда позволяло заниматься творчеством, периодами сил совсем не было, и хотелось только лежать, в такие моменты смотрела любимые фильмы, когда и на это сил не хватало, просто молилась. В любом случае никогда не позволяла себе сидеть, глядя в пустоту, думая, какая я бедная-несчастливая, и ни разу не задала себе этих дурацких вопросов: «Почему это произошло со мной?» или «За что мне это?». Пока я проходила лечение, видела очень много таких пациентов, которые разрушали себя подобными мыслями.

Когда лежишь неделями в больнице, то мировоззрение полностью меняется. Я начала ценить все! Радовалась каждому дню, каждой мелочи в этом дне, и будущее виделось уже совсем в другом свете. Оно было наполнено смыслом, и в нем не было места суетным делам, лишним словам и переживаниям по пустякам. А еще появилось большое желание

помогать тем, кто не может психологически справиться с поставленным диагнозом, соответственно теряет шансы на выздоровление. Хотелось зарядить на победу всех, кто в этом нуждается!

Нужно сказать, что в отделении постоянно встречались люди, которые заряжали меня саму. Одна такая необыкновенная женщина поражала своей жизнерадостностью. Она шутила, что абсолютно здорова, просто произошла ошибка диагностики. И честно говоря, видя ее, такую энергичную и улыбающуюся, я верила, что она победит болезнь, несмотря на свой возраст. Кстати, когда узнала, что ей 82 года, то не могла поверить: выглядела моя знакомая просто великолепно. Наверное, в отделении еще долго будут помнить, как она нарезала круги по коридору с палками для скандинавской ходьбы и ежедневно задирала ногу на подоконник для растяжки.

И вот закончился курс химиотерапии, врач сказала, что за ним следует период реабилитации и будет очень непросто. Вскоре я поняла, что она имела в виду. Оказывается, при моем лечении после химиотерапии все показатели крови находятся на предельном минимуме и нужно ждать, пока костный мозг произведет клетки снова. Поднялась температура, было сильнейшее кишечное расстройство, живот крутило днем и ночью, многочисленные кровотечения стали постоянными спутниками, во рту все было в язвах и дико болело так, что есть было очень сложно, при этом еда вызы-

вала отвращение. Слабость была такая, что поход в туалет казался подвигом. Пришлось ощутить на себе последствия полного отсутствия лейкоцитов в крови, защиты у организма совсем не было. Мне назначили антибиотики, так как обходиться без них было слишком опасно.

В эти нелегкие дни было много поддержки со стороны близких, особенно было ценно читать с мужем и свекровью совместный акафист Пресвятой богородице перед ее иконой «Всецарица», иногда присоединялись дети. Этот акафист был для меня настоящим утешением, когда мне было очень плохо, я его слушала, иногда даже ночью включала, находясь в каком-то полузабытье.

Часто звонили и писали друзья, было очень важно слышать их голоса, чувствовать молитвенную поддержку. А еще болезнь – это своего рода «лакмусовая бумажка», все лишние люди резко исчезают из твоей жизни, остаются только те, кому ты действительно не безразличен.

Отдельной благодарности заслуживает персонал отделения, все – от санитарок до старшей медсестры – поддерживали и настраивали на лучшее, готовы были помочь в любой момент. В отделении царила домашняя атмосфера. Каждое утро заведующий приходил с врачами на осмотр, старался подбодрить, шутил, улыбался и дарил надежду на скорое выздоровление. Моя врач, всегда очень серьезная и немногословная, была для меня стеной, за которой надежно.

Когда мне совсем не хотелось есть, то девочка, которая

развозила нам еду, искренне пыталась что-то придумать, например, предлагала принести бульончик вместо супа или курочку вместо котлеты. Бывало, подходила и со слезами на глазах обнимала меня, говорила, что я обязательно поправлюсь! Кажется, что это мелочь, но из таких мелочей складывается выздоровление. А как-то раз я сидела в холле и услышала, как одна медсестра говорит другой: «Дедушка наконец-то покушал». В ее словах было столько радости и сострадания! Когда сталкиваешься с такими людьми, то очень хочется соответствовать этим высоким стандартам человечности, учишься у них, становишься лучше, снимаешь с себя скорлупу жителя мегаполиса, начинаешь видеть тех, кому нужна помощь.

На восьмой день реабилитации после химиотерапии мне стало легче, температура начала спадать, и появились какие-никакие силы. Это было обусловлено тем, что костный мозг начал вырабатывать новые клетки и все показатели крови стали медленно ползти вверх. С каждым днем становилось все лучше и лучше, я стала выходить на улицу. Даже просто гулять, разгоняя по пути осенние листья, было настоящим удовольствием. Иногда я садилась на лавочку со стаканчиком кофе и любимой музыкой в наушниках, закрывала глаза и словно попадала в обычную жизнь без капельниц и людей в белых халатах. Бывало, к моим прогулкам присоединялся случайный прохожий со своей историей, и на какое-то время я погружалась в увлекательную беседу.

Мое душевное равновесие сильно пошатнулось, когда стали выпадать волосы. Они были длинные и очень густые, расставаться с такой шевелюрой совсем не хотелось. На подобные переживания я отвела себе один день, даже всплакнула в какой-то момент, но потом просто отпустила эту тему, осознавая очередную неизбежность. Тогда медсестра пригласила парикмахера прямо ко мне в палату, чтобы побрить налысо.

Все происходило очень быстро и без предисловий, парикмахер поставила стул посреди комнаты, пригласила меня на него сесть, достала машинку и уверенным движением провела дорожку по моей голове, потом еще и еще. Волосы клоками падали на пол, а с ними и воспоминания о прошлой жизни. Парикмахер ушла, а я все не могла заставить себя подойти к зеркалу. Когда подошла, то увидела в нем лысую незнакомку с испуганным взглядом и до боли знакомыми чертами лица. Шок? Да, конечно, но я собиралась выздоравливать и ни перед чем не останавливаться!

Появилось обширное поле для творчества. Пригодились мои многочисленные яркие платки и шарфы, я делала из них красивые комбинации и дополняла оригинальными украшениями. Я вдруг почувствовала свободу. Мне больше не нужно было уместиться в тесные рамки общепринятых эталонов красоты.

Заканчивалась третья неделя моего пребывания в больнице. Я сидела с вышивкой и была полностью погружена в свои

мысли. Вдруг в палату забежала моя врач. Мне кажется, что я тогда впервые увидела ее улыбку.

– Аня, анализы отличные, собирайся домой!

– Домой? Правда?

– Да-да, сейчас подготовлю выписку и отпущу, можешь звонить мужу.

Меня охватило радостное волнение, начала судорожно искать телефон, он нашелся не сразу. Одновременно собирала попадающиеся под руку вещи и набирала номер мужа. Сообщив прекрасную новость, продолжила упаковывать вещи. Уже через сорок минут я сидела полностью собранная и ждала выписку, а еще через час ехала домой с широкой улыбкой на лице. Меня отпустили на целых десять дней. О, какое это было счастье!

Ожидание и реальность

После первой химии было ощущение, что победа не за горами и мое выздоровление приближается с каждым днем. По возвращении в больницу на второй курс у меня взяли пункцию костного мозга, и врач сообщила, что достигнута ремиссия. Радости не было предела, казалось, что все позади и нет поводов для беспокойства.

Начали делать очередную химию, я уже понимала, к чему готовиться. Однако в этот раз организму было сложнее, ведь он еще не восстановился после предыдущего курса, а тут опять такая нагрузка. Эти семь дней с суточными капельницами дались мне непросто.

Для того чтобы мышцы не атрофировались, старалась ходить по коридору, везя за собой стойку с химией. Заставляла себя двигаться, так как знала, что в период реабилитации выходить из палаты будет опасно и основную часть времени я буду проводить в кровати.

Жизнь в больнице становилась чем-то привычным, капельницы сменяли друг друга, переливания крови уже не пугали, как раньше.

Я постаралась создать в палате максимально комфортную атмосферу: в этот раз взяла с собой френч-пресс для заваривания ароматного чая, сестра-хозяйка выдала плед, который предназначался для VIP-персон, на тумбочке стояла корзиночка с вышивкой, рядом стаканчик с разноцветными леденцами, которые спасали от ужасного химического привкуса во рту, и самое главное – с моих губ практически не сходила улыбка. Да, я научилась радоваться тем моментам, когда нет температуры, когда относительно хорошо себя чувствуешь, когда есть небольшой аппетит и, наконец, когда я могу не только спать, но и заниматься чем-то интересным.

Реабилитация в этот раз меня изрядно потрепала, уже не было такого быстрого восстановления клеток, как при первом курсе. Пришлось терпеть значительно более долгий период с высокой температурой, также были проблемы, связанные с некоторыми воспалительными процессами. Из-за сильной нагрузки на сердце постоянно был учащенный пульс, который влиял на качество жизни. Таким образом, я

провела в больнице целый месяц.

И вот меня опять отпустили домой на десять дней. В этот раз сил было гораздо меньше, любое движение давалось с трудом, я похудела, и аппетит был крайне слабый, хотелось все время спать. Было очень грустно от того, что близкие видят меня такой.

Уже появилось понимание того, что дальше будет совсем непросто, и пришло время узнать – оптимист ли я на самом деле или только хочу им казаться.

Когда начался третий курс, было совершенно непонятно, как мой организм все это выдержит. Но, как известно, Господь не посылает нам испытаний больше, чем мы можем вынести. Я старалась все время улыбаться и шутить. Да, возможно, физически я была слаба, но силу духа никто не отменял!

В этот раз температура начала подниматься уже во время химиотерапии, антибиотики особо не помогали, их периодически меняли на другие, но температура все равно держалась. Слабость и тошнота практически не проходили, процесс бесконечного сбивания высокой температуры сильно выматывал. Мне сделали компьютерную томографию легких и обнаружили пневмонию. При этом я давала себе установку, что нужно потерпеть: пройду через этот сложный этап, а там меня ожидает награда в виде победы над моим личным врагом!

Есть известная фраза: «Не место красит человека, а человек место», и я готова под ней подписаться. Постепенно у нас в отделении сложилась небольшая дружная компания. Нам, конечно, особо нельзя было ходить в чужие палаты, но с маской в холле и буфете встречаться можно было. Мы как-то приспособились, заказывали всякие вкусняшки и устраивали совместные чаепития, играли в словодел, в карты, вспоминали смешные истории из жизни, все было искренне, по-настоящему.

Мне кажется, мы вдохнули в отделение жизнь. Как-то вечером сидели в нашем буфете, который в последние годы пустовал, так как еду стали развозить по палатам. Свет был слегка приглушен, на столе стоял чай с пирожными, что дарило ощущение настоящего кафе. Несмотря на плохое самочувствие, мы все были в очень приподнятом настроении и периодически заливались очистительным смехом. Кто-то принес с собой колоду карт, и уже полным ходом шла раздача, когда в буфет заглянула медсестра. На ее лице отобразилось искреннее удивление, и она игриво отвесила нам комплимент: «Девочки, ну вы молодцы! Сколько здесь работаю, такое вижу впервые!» В ответ мы закидали ее шутками и все вместе еще долго хохотали, представляя, как все это смотрится со стороны.

Из нашей компании я особенно выделяла одну замечательную девочку из Сочи, всегда хотелось поднять ей настроение, так как она была вдали от дома и эмоционально тяжело

переживала первые дни каждого курса, да и физически ей было очень сложно переносить лечение в связи с сильнейшей тошнотой. Сама она работала в детском садике и была очень душевным человеком, с которым было легко общаться.

Еще одна моя подруга по несчастью – художница отвлекала от больничной реальности своими интересными историями, делилась знаниями практикующего дизайнера интерьеров, да и просто болтать о жизни с ней было безумно приятно.

Если кто-то из наших поступал в отделение, то все врачи и медсестры уже знали, куда нужно подселять. Так как компания у нас была весьма позитивная, то даже с точки зрения терапевтического эффекта врачи старались нас разместить в одной палате.

Эта дружба мне напоминает фронтовую. Когда ты с кем-то оказываешься перед лицом смерти, то между вами есть полное взаимопонимание, вы будто посвящены в какую-то тайну. Там есть и искренняя поддержка, и сопереживание, и готовность прийти на помощь, невзирая на то, что сам находишься в полном изнеможении.

Но бывало, и не раз, что попадались соседи по палате, с которыми было крайне тяжело быть в одном пространстве. Для меня это было отдельным испытанием. Когда люди находятся на негативной волне и во всем видят только плохое, я от этого очень страдаю.

Одна такая женщина жила со мной около недели, и каж-

дое утро у нее начиналось с очередного недовольства. Напрягало ее абсолютно все, начиная с вида из окна. Еда для нее была несъедобная, кровать – слишком высокая, унитаз – слишком низкий, а медперсонал безрукий. Сначала я терпела, старалась что-то слушать в наушниках, не обращать внимания, но потом моя соседка стала высказывать свое недовольство моей необщительностью и откровенно атаковала своими негативными историями. Я стала при малейшей возможности выходить в коридор. Все это очень выбивало из равновесия, а главное, вызывало раздражение. Это чувство мне совершенно не нравилось, хотелось быть более терпимой к человеку, который, видимо, не от хорошей жизни так себя ведет.

Конечно, я очень нуждалась в духовной поддержке, и на мое счастье, в больнице была маленькая часовенка, находилась она именно в том корпусе, где я проходила лечение. Долго не решалась до нее дойти, выходить из отделения было опасно. В какой-то момент все-таки приняла решение сходить и не пожалела. Еще от лифта я услышала аромат восковых свечей и увидела теплый свет, приглашающий погрузиться в атмосферу единения с Богом. Как я люблю находиться в Церкви! Душа просто поет, и хочется забыть обо всем мирском, насладиться молитвой, воспевающей Всевышнего. Жалко тех, кто не испытал этого чувства!

Обычно мне трудно подойти к незнакомому священнослужителю, а тем более, исповедовать ему свои грехи, все

боюсь ошибиться в своих действиях, нарушить какие-либо правила, приходится долго набираться смелости. В этот раз все было по-другому: когда я увидела полные понимания глаза батюшки, мне очень захотелось с ним поговорить. Разговор пошел легко и естественно, мне казалось, что это беседа с давним другом. Это было так необычно! Он пригласил меня на маленькую кухню и угостил чашечкой кофе с шоколадом. Мы много говорили о жизни, я смеялась и плакала, это общение было настоящим бальзамом. Батюшка достал с полки несколько книг, протянул их мне со словами: «Будут силы – почитай». То были книги Паисия Святогорца из серии «С болью и любовью о современном человеке». В отделение я просто летела на крыльях счастья. На следующее утро сходила на службу, исповедовалась и причастилась.

Вскоре температура спала, и мне обещали, что, возможно, отпустят на новогодние праздники. Домой хотелось, но было страшно, так как тело меня совершенно не слушалось, показатели крови были такие, при которых обычно не выписывают из больницы.

Пошли слухи, что отделение будет закрываться, а всех пациентов из гематологии переведут в соседнюю онкологию. На мой взгляд, отделение у них было весьма депрессивное, всегда темно и мрачно, совсем не хотелось там оказаться, да еще и в Новый год. Поэтому я старалась всем своим видом показать, что чувствую себя вполне сносно и гожусь для вы-

писки.

Приехав домой, поняла, что явно переоценила свои возможности. Все, абсолютно все давалось мне с огромным трудом. Но несмотря на это, семья заслужила полноценный праздник. Для меня Новый год – это сказка, которая наполнена традициями, огоньками, детским смехом и запахом мандаринов. Поэтому я взяла себя в руки, потихоньку приготовила вкусный стол, постаралась создать новогоднюю атмосферу, даже нарядилась. Было непросто, но все получилось! Это меня очень зарядило. И хотя даже сидеть за столом мне было трудно, я была абсолютно счастлива. В те дни я часто думала, что когда у человека все хорошо, он здоров и, казалось бы, все у него есть, обязательно что-то мешает быть счастливым. Парадокс, конечно.

После Нового года самочувствие стало ухудшаться, мне уже было сложно вести хозяйство, малышка меня сильно утомляла, голова болела и кружилась, хотелось все время спать. Когда праздники уже подходили к концу, врач велела мне сдать анализы и по результатам срочно госпитализировала.

Первые дни меня стабилизировали с помощью подливания донорской крови, стало значительно лучше.

Затем начался очередной курс химиотерапии.

Все шло, как всегда, даже было легче, чем обычно. Это меня удивило, так как каждый последующий курс давался сложнее предыдущего, а тут вполне терпимо. Помимо этого,

у меня была очень веселая соседка, мы с ней без конца смеялись. Еще она часто разговаривала по телефону. а это было отдельное шоу... просто театр одного актера. Таким образом мы как-то преодолели первые три недели лечения.

Когда выписали хохотушку, то почти сразу из другой палаты перевели мою сочинскую подругу. Мы очень радовались этому обстоятельству и уже выбирали, какие вкусняшки закажем к вечернему чаепитию. Внезапно моя соседка почувствовала себя плохо, совсем сникла и заснула на несколько часов. К такому мы уже давно привыкли, это ведь больница, и как бы мы ни пытались разрядить обстановку, здесь находятся люди с серьезными заболеваниями. Вечером померили температуру, и стало понятно, в чем причина недомогания. Ей сразу сделали тест на Ковид, и через несколько часов томительного ожидания пришли результаты, которые нас совсем не порадовали.

Несмотря на то что в то время Ковид уже не был таким страшным, как вначале, для людей с нашим диагнозом и таким серьезным лечением он был очень опасен. Тревога нарастала с каждой минутой и только усилилась, когда дежурная врач объявила о переводе заболевшей девочки в инфекционный корпус.

На следующий день температура поднялась у меня, тест показал положительный результат. На тот момент лейкоциты были на нуле, что означало полное отсутствие защиты у организма. Слезы катились по щекам как-то сами по себе,

контролировать этот процесс я уже не могла. Разум твердил, что это просто вирус и его нужно пролечить, но было сложно смириться и не думать о возможных негативных последствиях.

Очередной случай, когда ничего не можешь изменить и просто подчиняешься этим нелепым обстоятельствам.

Странный это был вечер, когда меня перевозили в инфекционный корпус. Все было будто в тумане. Выйдя на улицу, увидела ожидающую меня машину скорой помощи, из нее вышел фельдшер и помог мне расположиться в машине, затем сел напротив и стал внимательно всматриваться в мои глаза. Долго молчал, а затем неожиданно произнес: «Вы ведь знаете, что все будет хорошо? Но только нужно верить и молиться!» Эти слова вывели меня из оцепенения и заставили задуматься. Дальше мой собеседник стал рассказывать мне про чудеса, которые случались по молитвам Всевышнему, Пресвятой Богородице и разным святым. Так странно было это все слышать от молодого brutального фельдшера, удивляла и очередная волна доброты и тепла от совершенно незнакомого человека. Ведь он мог просто молча донести меня до корпуса. Промелькнула мысль: может, Господь общается так со мной посредством других людей? Может, напоминает: «Не бойся, я с тобой! Только верь!»

Когда меня привели в корпус, то выяснилось, что мест нет, и речь зашла о размещении в реанимационной палате. Мне совсем этого не хотелось, так как слышала о том, что

в таких местах есть большая вероятность получить дополнительную инфекцию, а мне с такой нагрузкой было просто не справиться. Молитвы в моих мыслях просто не стихали, они стали чем-то естественным, успокаивали и помогали держаться. Вдруг кто-то очень громко и четко сказал, что для меня найдет место в обычной палате, это была дежурная врач. Еще один равнодушный человек...

То, что я увидела в своей новой палате, произвело на меня неизгладимое впечатление. Уверена, что не просто так мне дано было пережить эту ночь.

Это был большой бокс, в котором находилось две кровати. Я стала разбирать свои вещи, пытаюсь в темноте разглядеть соседку, по всем ощущениям она уже спала. Вдруг откуда-то из глубины вышла женщина и поздоровалась, я не очень поняла, кто это. Женщина села за стол и стала с интересом смотреть что-то в телефоне. Спустя некоторое время на соседней кровати кто-то начал постанывать, женщина бросила телефон, подошла к кровати и включила прикроватный свет. Приглядевшись, я поняла, что соседка находится в очень тяжелом состоянии, она не могла двигаться, не могла говорить, но при этом смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Когда видишь подобное по телевизору, это не производит такого впечатления, как если увидеть воочию. Человек находится в беспомощном состоянии и в то же время абсолютно все понимает. Было невыносимо смотреть на эти страдания.

На какое-то время я забыла о своих проблемах и начала молиться за эту незнакомую женщину, так хотелось вытянуть ее из этого жуткого состояния!

Никогда не забуду глаза той пациентки, когда сиделка крутила ее, как куклу, при смене памперса, когда неаккуратно разводила кашу с водой для кормления через зонд, когда с пренебрежением смазывала пролежни. Ее грубый тон отдавался болью в моем сердце. Сиделка отрабатывала свои деньги, по-другому не скажешь, и, видимо, в данный тариф не входили сострадание и милосердие.

Жуткая атмосфера царила в этой палате, хотелось спрятаться от всего этого и не видеть страшную картину происходящего.

Ко всему прочему, я не знала, как мой собственный организм отреагирует на вирус, и это увеличивало степень трагизма. На минуту я представила себя на месте этой несчастной. К горлу подкатил комок, слезы неконтролируемо текли ручьем. Сказывалась долгая разлука с детьми и мужем, так хотелось обнять их, и я уже была так близка к этому, когда узнала, что подцепила вирус.

Чтобы было понятно: каждый день, проведенный в больнице, похож на вечность. Просыпаешься утром и первым делом думаешь о том, сколько дней осталось до выписки. Курс химии с реабилитацией занимал около 3–4 недель. Соответственно к концу четвертой недели пребывание в стационаре становилось просто невыносимым, и счет шел уже не на дни,

а на часы. Узнать в такой момент, что будет продолжение, – настоящий удар! Такое состояние, будто долго взбирался на гору, и когда до вершины осталось рукой подать, сорвался и оказался у подножья. И вот сил на новое восхождение уже нет, ты просто поднял голову и смотришь на вершину глазами, полными слез.

Говорят, что беда не приходит одна... Заболел мой десятилетний сын, который, будучи спортсменом, не болел уже несколько лет. По воле судеб, с воспалением легких его госпитализировали в соседний корпус. Мы были так близко и так далеко друг от друга. С одной стороны я понимала, что он находится в надежных руках опытных врачей, а с другой – он был там совсем один. Если бы я была здорова, то могла бы повидать его, приготовить что-то вкусненькое, чтобы ему было не так грустно и одиноко. Если бы...

Пришла врач, объяснила, как будет проходить лечение, но давать какие-либо прогнозы не решилась. Видно было, что ее тревожит мое состояние, отягощенное непростым гематологическим диагнозом. При этом она меня пыталась успокоить – говорила, что моя врач-гематолог всегда на связи и тактика лечения с ней согласована, что нужно просто потерпеть еще немного, что главное – вовремя начать лечение. Я все слышала, понимала, но остановить лавину рыданий была не в силах.

Моя молитва стала еще горячее, и днем, и ночью я взывала к Создателю и Богородице. Извинялась за то, что не спра-

вилась с унынием, и просила дать мне сил и терпения!

И как всегда, совершенно неожиданным образом пришло утешение. Мои руки потянулись к книгам, которые совсем недавно мне дал батюшка из больничной часовни. Я начала читать одну из них и удивилась, как легко и понятно там говорится о достаточно непростых вещах. Хотя, наверное, если бы я находилась в других обстоятельствах, то не прониклась бы всей глубиной наставлений батюшки Паисия. Это был очень простой и вместе с тем невероятно мудрый человек! То, что он советовал людям, приходившим к нему, могло показаться несколько наивным и как бы лежащим на поверхности, но человек, погрязший в грехах, не способен увидеть элементарные вещи. Больше всего меня потрясло отношение Паисия к своей болезни, а у него была онкология. Вот настоящий пример того, как православный человек должен воспринимать испытания, посланные Всевышним. Свою болезнь он считал практически наградой и трактовал такое испытание, посланное Господом, как подарок для спасения души. Это сродни чуду, что в моих руках оказалась данная книга, она многому меня научила, вдохновила и дала силы двигаться дальше.

Утром меня перевели в одноместную палату. Стало немного легче. Тут я взяла себя в руки, насколько это было возможно, и постаралась отвлечься от дурных мыслей. Преодолевая сильную слабость и высокую температуру, заставляла себя ходить по палате, мне было очень тревожно

от мысли, что в какой-то момент я совсем не смогу ходить. Казалось, что если буду хоть понемногу двигаться, то смогу избежать подобной участи. Когда температуру сбивали, старалась вышивать, читать и смотреть фильмы.

Очень важно не отказываться от жизни, стараться найти для себя то, что поднимет настроение, то, что вытянет тебя из этой черной ямы. Нельзя отчаиваться и унывать! Нужно гнать плохие мысли и не позволять им пускать корни в нашем сознании.

Запомните: если вы находитесь в сложной ситуации, то не давайте возможности своему мозгу думать о плохом, в этом совершенно нет никакого смысла. А еще лучше старайтесь представить себе картинки из будущего, где вы счастливы. Таким образом, получите удовольствие в моменте и нацельтесь на победу!

Настрой у меня был боевой, но, к сожалению, сильный кашель выворачивал наизнанку. Лучше не становилось, температура только нарастала с новой силой.

Врач отправила меня на МРТ всех внутренних органов, так как нужно было разобраться, что является причиной температуры, а главное, не пропустить возможные осложнения. Аппарат МРТ находился в другом здании, и мне нужно было одеться, чтобы выйти на улицу. Сил совсем не было, но и выбора тоже не было.

После проведенного исследования было очередное ожидание результатов. Через несколько часов врач сообщила,

что на снимках каких-либо отклонений от нормы не обнаружено. Это было прекрасно, но причина температуры так и не была установлена.

Шли дни, я как будто застряла в одном состоянии, ничего не менялось, температура так и продолжала повышаться, но лечение от вируса было завершено, и речь зашла о переводе обратно в гематологию. После получения отрицательного ПЦР-теста я собрала свои вещи, и меня перевезли.

Было в моем возвращении в отделение что-то, заставляющее улыбнуться, даже несмотря на то, что пошел второй месяц моего заточения. Все врачи и медперсонал были уже как родные, искренне радовались моему появлению, что-то весело щебетали вокруг меня, кто-то принес плед, зная, что я люблю создавать уют даже в больнице, кто-то – еду с учетом моих вкусовых предпочтений, а кто-то просто искренне обнял. На душе стало теплее, и даже показалось, что я стала немного лучше себя чувствовать. Тут я почему-то вспомнила про хваленый европейский сервис и их умело натянутые улыбки – улыбки, которые совсем не греют...

Упасть на дно, чтобы оттолкнуться

Моя врач явно была озадачена. Помимо не проходящей температуры, ее волновало полное отсутствие лейкоцитов в моей крови, тромбоциты и гемоглобин тоже были экстремально занижены. Все это говорило о том, что костный мозг просто не работает. К сожалению, четыре курса сильнейшей химии отправили его в нокаут.

В некотором смысле я была заложником, ведь моя жизнь полностью зависела от подливания донорской крови. Одного пакетика хватало на несколько дней, затем необходимо было очередное вливание. В то же время большое счастье, что существовал способ, позволяющий спасти таких пациентов, как я.

Часто было непонятное состояние, когда меня просто колошматило. Я даже не понимала, что со мной происходит. То ли вечные подъемы и сбивание температуры меня изматывали, то ли сердце бунтовало, а может, неспособность костного мозга выполнять свои прямые обязанности. Возможно, все вместе.

Каждый день я с надеждой ждала обхода, на котором обычно сообщали результаты анализов и намечали дальнейший план действий. И каждый раз информация была неутешительная. Показатели крови не росли, температура не снижалась, состояние только усугублялось. Была сильнейшая слабость, пульс просто зашкаливал, появились проблемы с дыханием. Врачи просто не понимали, что со мной делать. Я осознавала, что стою на краю обрыва.

Медсестры иногда не сдерживали своих слез, когда заходили ко мне в палату, одна из них даже сказала мне: «Не бойся, ты не умираешь!» Врач уже особо ничего не комментировала, на мои вопросы отводила глаза в сторону и ограничивалась пространными ответами.

Но были и смешные моменты, когда, чтобы меня разве-

селить, две санитарочки исполняли перед моей кроватью зажигательный танец! Они были настолько комичны, что я смеялась сквозь слезы как сумасшедшая.

Со временем стало очень тяжело находиться в одной палате с соседкой, хотелось уединения и молитвы. Когда освободилась соседняя палата, благодаря чуткости медперсонала меня туда сразу перевели.

Поразительно, что именно во время страданий мы наиболее близки к Богу. Наверное, в этом и есть смысл наших испытаний! Несомненно, все последние события стали толчком к моему духовному развитию, к полнейшему переосмыслению своей жизни и стремлению что-то в ней изменить.

Ощущение безысходности пыталось завлечь меня в свои сети, но молитва не позволяла сдаться. Иногда, особенно ночью, я, стоя на коленях в горячей слезной молитве, просила Господа дать мне возможность вырастить детишек, встретить старость рядом с любимым, а главное, исправить свои ошибки! Эта была самая искренняя и сердечная молитва в моей жизни, в ней не было ничего лишнего, только самое главное. При этом очень часто я благодарила Господа за все, что со мной происходит. Даже было чувство какого-то искупления и огромной любви Всевышнего к нерадивой дочери своей. Сложно передать всю гамму чувств, которую мне удалось испытать в те дни. Все это является невероятной ценностью для меня сегодняшней.

Между тем сложно было в одиночку идти по столь тонкому льду, и пока я еще была в состоянии встать с кровати, решила сходить в часовню. Собрав всю свою волю в кулак, оделась и очень медленно с дрожащими коленями направилась к своей цели. В храме шла служба, присев на лавочку, я закрыла глаза и растворилась в молитве. В душе все ликовало, слезы счастья и благоговения стекали по моим щекам, в голове утвердилась мысль о том, что все будет хорошо!

После причастия я попросила батюшку соборовать меня, и он с радостью согласился это сделать. Перед соборованием мы очень долго беседовали. Часто вспоминаю этот разговор, в котором было много всего интересного. Особенно занятно, что несколько наставлений начинались с фразы: «Когда ты поправишься, то...». В то же время я сама ему обещала, что обязательно поправлюсь, даже спросила, не слишком ли это самонадеянно с моей стороны. Некоторые вещи, которые он мне тогда сказал, я поняла только сейчас, поразившись дальновидности и даже какой-то прозорливости моего наставника.

Соборование стало для меня некой перезагрузкой. Удивительно, но открылось второе дыхание, и я снова была готова к бою.

Тем временем моя врач назначила мне УЗИ живота, так как у нее появилось подозрение, что температура может быть связана с грибами на внутренних органах. Такое бывает, когда у организма долгое время отсутствуют защитные

функции. УЗИ выявило какие-то образования на печени и селезенке, необходимо было сделать МРТ для уточнения диагноза, ведь это могли быть и метастазы. После МРТ стало очевидно, что мой организм все-таки атаковали грибы, и доктора в срочном порядке подключили противогрибковую терапию.

В данном случае это был настоящий прорыв. После долгой неизвестности и топтания на месте – вдруг движение вперед. Глобально это не решало моих проблем с костным мозгом, но необходимо было отразить локальные атаки на организм, чтобы поддерживать его жизнеспособность.

Лечение грибов – процесс очень и очень длительный, и не было гарантии, что назначенный препарат поможет. Но путь осилит идущий, и начало было положено. Прием новых лекарств вызвал весьма странные побочные реакции. Было ощущение, что сознание меня вот-вот покинет, и даже страшно было передвигаться по палате. Странное было восприятие цвета, все вокруг как будто изменило свои оттенки и стало более скудной цветовой гаммы. Мне стало страшно, так как никто не предупредил о подобных спецэффектах. Впоследствии выяснилось, что это довольно типичная картина при подобном лечении.

Шли дни, недели. Многие, с кем я в последний раз госпитализировалась, уже ложились в отделение во второй и в третий раз, обо мне почти легенды складывали. Я шутила, что являюсь хранителем местных традиций. В конце концов

человек ко всему привыкает и приспособливается, главное, правильно воспринимать происходящие.

В какой-то момент я поняла, что уже долгое время лежу как овощ, нужно было что-то менять. Я придумала устраивать себе танцевальные пятиминутки. Звучит прекрасно, но в тот момент это было настоящим преодолением себя. Я включала на телевизоре музыкальный канал и пыталась, как могла, двигаться под музыку, при этом заставляя себя улыбаться. Даже не представляю, как это могло выглядеть со стороны, но мне было классно. С каждым разом голова кружилась все меньше, сил становилось больше, организм начал просыпаться.

К счастью, в лечении грибов наметилась положительная динамика, температура начала спадать, это уже было огромным облегчением. Общее состояние тоже улучшилось. Теперь нужно было только ждать. Ждать, пока температура совсем спадет, ждать, пока костный мозг заработает. Ждать, когда станет понятно, куда двигаться дальше.

Для начала ушла температура. Потом совсем немного, но показатели крови стали расти. И я уже порхала по больничным коридорам, возобновились посиделки с девчонками, и появилась надежда на скорую выписку.

Вы, наверное, думаете, что вот я побывала на дне и уже оттолкнулась, устремившись ввысь! Да, если бы я писала сказку, то это было бы именно так, но здесь речь идет о реалиях жизни.

Я сидела за столом и пила чай, когда в комнату вошла моя врач на пару со своей коллегой. Казалось, они были чем-то озабочены и вроде как не знали, с чего начать разговор. Затем одна из них осторожно заговорила, но ее вкрадчивый тон уже не предвещал ничего хорошего. Бывают ведь такие важные разговоры, после которых жизнь меняется раз и навсегда. Вот это был он, его величество такой разговор!

– Анюта, дело в том, что лечение зашло в тупик и мы уже не можем тебе ничем помочь, – сказала моя врач, глядя мне прямо в глаза. – Еще одну химию ты просто не переживешь, да и костный мозг не восстанавливается совсем.

И вот опять в висках застучало, как в день оглашения диагноза. Эти предательские слезы тоже тут как тут.

– Единственный шанс на спасение – трансплантация костного мозга, – как будто издали прозвучал мой приговор.

Я смотрела на них и уже не понимала, что они говорят. Это и было мое дно, на которое я звонко приземлилась.

Что дальше?

Я сидела на больничной кровати и смотрела в окно на проплывающие облака. Как же прекрасна эта жизнь! Я должна сделать все возможное, чтобы не уйти из нее так рано. Да, мне страшно, да, я совершенно не понимаю, что делать, с чего начать. Но ведь главное, что это не конец, более того, возможно, это начало, начало чего-то нового! С такого ракурса моя ситуация выглядела весьма симпатично.

На этот раз я решила найти в Интернете информацию о

том, что за процедура мне предстоит. То, что удалось найти, совсем не добавило оптимизма. Статьи пестрили пугающими подробностями о возможных осложнениях, приводилась какая-то недружелюбная статистика по выживаемости. Были и истории разных пациентов, которые прошли нелегкий путь трансплантации костного мозга, некоторые из них после пересадки попали в реанимацию, кто-то восстанавливался месяцами. Но ведь в самом начале лечения мне медсестра строго сказала не читать весь этот мусор. Зачем я соблазнилась? Совершенно точно, мне не стоило изучать статьи, которые я не способна критически оценить. Тут я приняла решение получать все интересующие меня сведения из компетентных источников, поэтому, дождавшись своего врача, обо всем подробно ее расспросила.

– Я что-то растерялась совсем, доктор! Где мне делать пересадку костного мозга?

– Искать медицинское учреждение, которое проведет пересадку, тебе придется самой. Есть два НИИ, которые этим занимаются, один находится в Москве, другой – в Санкт-Петербурге, и не факт еще, что хоть в один из них тебя возьмут. Времени на поиски и раздумье совсем нет, промедление может привести к рецидиву, что сильно усложнит лечение. Срочно записывайся на консультацию в оба института!

– А где лучше делают – в Москве или в Питере?

– Аня, пойми, тебе нужно стучаться во все двери, тут уж выбирать не приходится!

– Я поняла. А кто будет моим донором?

– Самыми лучшими донорами считаются родные братья и сестры, если их нет, то ищут неродственных доноров в российском реестре, в некоторых случаях рассматривают совершеннолетних детей либо родителей. Так как у тебя есть родной брат, то он должен стать главным кандидатом на донорство.

– Но насколько я помню, у него некоторые проблемы со здоровьем, которые являются противопоказанием к донорству, – ответила я, опустив наполненные грустью глаза в пол.

– Тогда придется искать неродственного донора. Процесс это непростой, да и реестр доноров костного мозга в России очень маленький.

Доктор посмотрела на меня с состраданием и добавила:

– Да, понимаю, путь этот весьма тернист, но это путь ко спасению! А вот продолжать тебя химичить определенно дорого в никуда...

В голове крутилась куча мыслей. А что, если меня не возьмут на трансплантацию? Насколько хорошо у нас в стране выполняют эту непростую процедуру? Что меня ждет после пересадки? Все эти мысли совершенно не давали мне покоя. Семья была в такой же растерянности, как и я. Поэтому очень кстати в тот момент пришлось плечо подруги. Когда я поделилась с ней своими терзаниями, стало как-то легче, так как она довольно спокойный и рассудительный человек, который с холодной головой способен дать дельный совет.

Это именно то, что мне было нужно. Почти сразу моей подруге в голову пришла идея. У нее в Израиле живет тетя, которая работает с благотворительными фондами, хорошо знает многих врачей и вообще обладает большим количеством информации о том, как иностранцам можно оформиться на лечение в израильских больницах. Плюс ко всему мой брат с недавних пор живет в Израиле, и это делало данную затею еще привлекательнее.

После нашего разговора она связалась с тетей, та обещала помочь. Внутренне я уже настроилась на перелет в другую страну, представляла, как тяжело будет разлучиться с близкими на неопределенный срок. Конечно, когда речь идет о спасении жизни, то все способы хороши и тут уже не до капризов.

Через несколько дней у меня было достаточно полное представление о том, что я могу сделать для того, чтобы пройти лечение в Израиле. Собственно говоря, было всего два способа. Первый – полностью оплатить лечение, при этом можно было сделать все очень быстро и без проволочек. Когда я узнала стоимость лечения, то поняла, что даже если продам все, что имею, то не потяну. Второй способ – оформление второго гражданства, что в целом было возможно, так как в моем роду присутствовали еврейские корни. Такой вариант не требовал больших затрат, но был сильно затянут по времени и сопряжен со многими трудностями. Во-первых, нужно было собрать все необходимые докумен-

ты, доказать свое отношение к еврейской нации, потом неизвестно, сколько ждать – одобрят или нет. Во-вторых, при таком раскладе мне пришлось бы уволиться с работы, а это было непростым решением.

Тем временем со мной связались по электронной почте из НИИ в Санкт-Петербурге. Попросили скинуть им последнюю выписку для онлайн консультации. Заключение пришло уже на следующий день: профессор, который его написал, констатировал необходимость трансплантации костного мозга и выслал анкеты на проведение типирования. Типирование – это анализ крови, при котором определяется совпадение генетических характеристик донора и реципиента. Без проведения такого исследования невозможно найти подходящего донора. Разобраться во всей этой истории было невероятно сложно, особенно после химиотерапии, когда мозг находится в заторможенном состоянии.

Что за анкеты? Как я могу пройти типирование в Санкт-Петербурге, когда нахожусь в московской больнице? Почему толком нет алгоритма, что делать в подобной ситуации? Подумала, что было бы не лишним сейчас обратиться к человеку, который подсказал бы, как действовать. Но где его найти? Похоже, надеяться тут можно только на себя.

После недолгих раздумий позвонила в НИИ и попросила телефон лаборатории. На удивление быстро дозвонилась.

– Подскажите, могу ли я как-то выслать вам пробирки?

– Да, конечно, присылайте!

– Как это сделать?

– Ну, вам виднее, – услышала я возмущенный ответ на том конце провода.

Звоню мужу, передаю детали своего разговора с питерской лабораторией. Ему приходит в голову идея найти курьера для доставки пробирок. Оказалось, что есть компания, которая осуществляет доставку биоматериала как по Москве, так и в другие регионы. Договариваюсь со своим врачом, что медсестры соберут у меня необходимые для анализа пробирки, вызвала к тому времени курьера и отправила пробирки в Питер. По-моему, все очень просто и удобно, но, к сожалению, подсказать, как все лучше организовать, было совершенно некому.

Уже к вечеру пробирки были доставлены в лабораторию, и процесс типирования можно было считать запущенным. Как правило, анализ готовился около трех недель, и оставалось только ждать, когда все будет готово.

Мне разрешили дней десять побыть дома, пока анализы позволяют. За это время нужно было попытаться собрать все документы для оформления израильского гражданства, сходить на консультацию в московский НИИ и посетить Покровский монастырь, в котором находятся мощи Матроны Московской.

Я сидела на кровати в палате, сумки были собраны. За эти два с половиной месяца тысячу раз я представляла, как

обнимаю своих любимых, как моя малышка бежит ко мне с еще не очень уверенным «Мамочка!», как старшие дети повзрослому сдерживают слезы и просто замирают в моих объятиях. Эти минуты до встречи казались мне вечностью, но осталось совсем немного... Дверь открылась, и в миг я оказалась в теплых родных объятиях мужа, как маленькая девочка, которая давно не была дома. Ведь именно он – самый близкий человек – и есть мой дом. Хотелось остаться в этом моменте, ощущать каждой клеточкой своего естества того, кто давно является частью меня и без кого меня просто нет.

День был достаточно пасмурный, но мне казалось, что все наполнено непередаваемым очарованием. Мы ехали, и это было потрясающе! Само по себе движение уже представляло собой особую ценность. Я смотрела на проносящиеся мимо картинки обычной человеческой жизни. Я вглядывалась в лица людей, бегущих куда-то в московской суете, и думала: понимают ли эти люди, насколько они счастливы? Могут ли они осознать всю прелесть бытия?

Когда мы вошли домой, то моя маленькая «кнопочка» прибежала и обняла меня своими пухлыми ручками. Так было радостно и больно одновременно, что сдержать слезы было просто невозможно. Старшие дети жадно обнимали и смотрели на меня, словно вспоминая каждую черту лица. Они были совсем другие – так рано повзрослевшие дети.

Все в доме было вроде по-прежнему, но как будто чего-то не хватало, атмосфера была другая, и я поняла, что здесь не

хватало меня, не хватало мамы, жены, той самой хранительницы очага, которая заботится о том, чтобы все были счастливы.

Расслабляться было некогда, и главный вопрос, который меня сейчас волновал: где делать пересадку костного мозга? Это было важнейшее судьбоносное решение! Как не ошибиться? Да, всем известно, что в Израиле медицина на очень высоком уровне, но ведь большая часть израильских врачей из России. Если я буду лечиться в Москве, то семья будет рядом. В то же время в Израиле живет брат, все-таки не одна буду. Очень сложно было балансировать все время на этих качелях. Постоянно находились аргументы как за один, так и за другой вариант.

В любом случае документы нужно было собрать, ведь неизвестно, найдется ли для меня донор в России. В Израиле банк костного мозга гораздо шире, и есть доступ во все европейские базы. Брат тоже очень активно подключился, готовый помочь с установлением факта родства с еврейскими предками, так как сам не так давно собирал документы на гражданство.

У нас с мужем было абсолютно одинаковое чувство, что все получится, только мы оба не понимали, каким образом. Мы просто методично делали все от нас зависящее, и сам процесс немного успокаивал.

Настал день консультации в московском НИИ. Ехали туда

с надеждой, что появится хоть какое-то понимание того, что делать дальше. Быстро оформившись в регистратуре, поднялись к кабинету, в котором должна была проходить консультация. Пришли раньше назначенного времени, поэтому присели в холле. Оглядевшись, я поняла, что все вокруг наполнено непередаваемой тоской. Вроде уже привыкла к обриту наголо людям и к больничной атмосфере в целом, но здесь было что-то еще, практически у всех было состояние какой-то обреченности. Я, конечно, за полгода пребывания в больнице видела разных пациентов, бывали и те, кто не мог смириться с диагнозом, но в этом месте была высокая концентрация человеческого горя. Очень много молодых, грустных и уставших девчонок и парней, так захотелось их поддержать, что даже забыла о своих проблемах.

Когда подошло время нашего приема, оказалось, что врача нет на месте. Даже через полчаса так никто и не пришел, очень было странно пойти на платный прием и сидеть ждать. Мало того, никто не сообщил, что врач задерживается или может вообще не прийти. Когда прошел час от назначенного времени, мы уже думали уходить, но тут к двери кабинета подошла совершенно невозмутимая врач, молча зашла внутрь, и через две минуты я услышала свою фамилию. Никаких извинений в связи с опозданием не последовало, но не это было сейчас главным.

Врач прочитала мою последнюю выписку, отложила ее в сторону и посмотрела на меня изучающим взглядом.

– Вы уже делали типирование?

– В Питер отправила пробирки, анализ пока не готов.

– В любом случае мы принимаем только типирование, сделанное у нас, и стоит оно достаточно дорого. У вас уже есть какое-то представление о процедуре трансплантации?

– Да, я изучила эту тему.

– Это хорошо. Хочу вас сразу предупредить, что к нам едут пациенты со всей России, соответственно, очередь огромная, и раньше, чем через полгода она до вас не дойдет. Конечно, решение об очередности принимает комиссия с учетом особенностей каждого конкретного случая, но все это очень сложно...

— Доктор, объясните мне, что нужно делать? Вы все ходите вокруг да около! Как мне действовать дальше?

Врач немного смутилась и в какой-то растерянности попросила следовать за ней. Мы шли по мрачным коридорам гемцентра, встречали все больше измученных и убитых горем людей. Наткнувшись по дороге на открытую дверь, я за чем-то в нее заглянула. Увиденное вызвало во мне отторжение. Это была ужасная процедурная комната с жуткими креслами для химиотерапии. Такие я видела в фильмах, и герои, которым довелось на них оказаться, по закону жанра обычно умирали, не дожив до финала. Меня просто затрясло, когда рассмотрела все подробно. Взгляд пациентов выстреливал в самое сердце, казалось, их уже ничем не спасти. Видеть это совсем не хотелось, но и отвести взор было очень

сложно, так как картина завораживала своим безобразием.

Когда я пришла в себя, поняла, что врач заглянула в кабинет по соседству и позвала меня идти за ней.

В кабинете меня встретила женщина, которая представилась заведующей отделением. Врач передала ей в руки мои документы и вкратце описала ситуацию.

Заведующая посмотрела на меня и спросила, понимаю ли я, через что мне предстоит пройти. Ее вопрос сразу навел на мысль, что, видимо, не понимаю. Следом она очень обстоятельно начала рассказывать, сколько денег мне может понадобиться в процессе лечения: расходы на донора (особенно велики, если он из другого региона), дорогостоящие препараты. Сама процедура по квоте бесплатно, но квоту еще нужно получить, а еще нужно задуматься о сиделке, которая будет выхаживать после операции. Рассказала, что обычно все это делается через фонды, но искать их придется самим. Добавила перчинки, рассказав о тех осложнениях, которые бывают после пересадки, и завершила вишенкой на торте про огромную очередь, напомнив, что у меня просто нет на нее времени. Все это звучало как-то странно, было похоже, что меня просто отговаривают от трансплантации, как будто у меня был выбор.

Мне хотелось, что-то сказать, но я просто молчала, молчала и хлопала глазами. Было такое ощущение, что меня парализовало. Пытаясь осмыслить все услышанное, я встала и направилась к двери, собираясь бежать без оглядки из этого

учреждения. Но вдруг заведующая неожиданно спросила:

– А вы москвичка?

Я кивнула в ответ.

– Ой, вы знаете, попробуйте съездить по этому адресу, – она протянула мне бумажку, на которой были координаты одной известной московской больницы.

– Там открыли недавно отделение трансплантации костного мозга, может, вас без очереди возьмут.

Я поблагодарила и вышла из кабинета.

Возвращалась домой в очень подавленном настроении, вся эта атмосфера и отношение врачей... Перебирала в голове оставшиеся варианты и, честно говоря, уже склонялась к поездке в Израиль, так как решила, что в России, видимо, я никому не нужна.

С такими мыслями мы поехали на следующий день приложиться к мощам св. Матронушки в Покровский монастырь. Столько чудес в моей жизни произошло благодаря молитвенному заступничеству этой святой! Сейчас мне как никогда нужна была ее помощь, и я знала, что и на сей раз она меня не оставит.

Стоя на коленях, молила помочь мне в нелегком выборе и просила излечить от страшной болезни, говорила с Матронушкой как с живой. Ведь именно это она завещала нам, прихожанам, когда уходила в Царствие небесное.

Совсем скоро я неожиданно стала участницей очень интересного разговора с замечательной, по-житейски умной жен-

щиной, которую знала очень давно и периодически прислушивалась к ее мнению. Сложных моментов в моей жизни было немало, и ей всегда удавалось как-то просто и в то же время мудро дать своевременный совет. Когда я изложила ей суть проблемы, то поразила простоте ее суждений, но совершенно точно тут было, о чем задуматься. Одна важнейшая мысль заключалась в том, что нам, людям, сложно побороть свою гордыню и довериться Всевышнему, мы упорно хотим думать, что от нас что-то в этой жизни зависит, хотим руководить всеми процессами. «Нужно просто доверить себя в руки Господа, а он все управит!» – сказала моя знакомая. Вторая мысль была проста до гениальности: «Господь с нами везде – и в России, и в Израиле, совершенно нет разницы, где мы находимся, он всегда рядом».

Уже находясь под впечатлением от разговора, взялась за заполнение анкет на получение гражданства Израиля, остальные документы были практически готовы. Самое удивительное, крайне сложно продвигался этот процесс, постоянно что-то отвлекало – то не могла найти какие-то сведения, то просто буквы расплывались перед глазами. Масла в огонь подлил разговор с одной знакомой, которая поведала о том, что им с мужем Израиль отказал в гражданстве по причине того, что они находятся в венчанном браке. Тут я, конечно, призадумалась. Во-первых, мы с мужем тоже венчались, и, по всей видимости, нас тоже ждал отказ со стороны посольства, но даже не это самое главное, ведь при желании

подобную информацию можно скрыть. Вопрос заключался в другом: очевидно, для репатрианта важным условием являлась не только его принадлежность к еврейской нации, но и принятие им иудаизма как единственно возможной религии и отрицание всех других вероисповеданий. Для себя я твердо решила, что не смогу скрыть свое отношение к православию, даже если это будет необходимо сделать только на бумаге для достижения определенной цели.

Я сложила все документы в папку и убрала в дальний угол, поскольку поняла, что не готова принять на себя такой груз, с которым мне потом жить. Обмануть можно кого угодно, но только не себя.

Время неумолимо бежало, и нужно было что-то решать. В моих руках был еще один вариант, который следовало изучить.

Мы приехали в больницу, в которую нас направили из гемцентра, без предварительной записи, так как времени ждать свою очередь у меня не было, нужно было госпитализироваться, чтобы подливать донорскую кровь, без которой я, к сожалению, не могла долго обходиться.

Когда мы зашли в гематологический корпус, мне сразу все понравилось. На входе мы спросили, где найти заведующую отделением трансплантации костного мозга, и сразу туда направились. Проходя по больничным коридорам, почувствовали большой контраст по сравнению с тем, что нам пришлось наблюдать совсем недавно. Здесь не было обреченных

взглядов и ощущения безысходности. Да, пациенты тоже лысые, тоже в процессе лечения, но почему-то совсем другие. Я подумала даже, что хочу лечиться именно здесь.

Поднявшись в отделение, мы были приятно удивлены: все вокруг было очень чисто и современно. Всюду были молодые энергичные врачи в одинаковой фирменной форме. Казалось, что все работает, как хорошо отлаженный механизм. У кабинета заведующей была небольшая стойка регистрации, за которой весело щебетали медсестры. Мы подошли и спросили, как нам увидеть заведующую, девочки сказали подождать.

Мы присели на кресла около кабинета, и тут мое внимание привлекли двери с прозрачными окнами, за которыми, как я поняла по указателям, находятся трансплантационные боксы. Стало как-то волнительно и одновременно любопытно. На вид боксы были оформлены по последнему слову техники, с раздвижными самозакрывающимися дверями, вокруг все сияло стерильной чистотой и определенно внушало доверие. Интересно, там есть сейчас кто-то? Каково это – сидеть неделями в замкнутом пространстве, не имея возможности выйти? Может быть, кому-то там очень плохо? Страшно!

Тем временем из кабинета выглянула очень приятная молодая женщина и пригласила нас войти. Я протянула ей свою выписку и сказала, что приехала по рекомендации. Заведующая внимательно прочитала документы, затем посмотрела

на меня очень пронзительным взглядом.

– Начнем прямо сейчас. Вы уже типировались?

– В Питере, но еще не готово.

– Ну, тогда Питер я беру на себя, позвоню и постараюсь забрать у них результаты как можно скорее. А вам желательно сразу оформиться к нам еще до трансплантации, чтобы мы могли контролировать ваше состояние!

– Но у меня уже запланирована госпитализация.

– Хорошо, госпитализируйтесь, а как выпишут – сразу ко мне. И как только получим типирование, сразу начинаем поиск донора.

– А сколько будет стоить лечение? – аккуратно поинтересовалась я.

– Мы вам оформим квоту хоть завтра, правда, в нее не входят расходы на донора, но мы работаем с фондом, который поможет при необходимости покрыть расходы, вам нужно будет только заполнить анкету.

– А у вас опытные врачи? – не унималась я, будто ожидая какого-то подвоха.

– У нас такое же количество трансплантаций в год, как в НИИ, врачи молодые, но уже имеют обширный опыт.

– Как ваши пациенты обычно переносят процедуру? Часто бывают осложнения?

– Конечно, все индивидуально, но вы не волнуйтесь! У нас очень хорошие препараты для кондиционирования перед трансплантацией, переносятся относительно легко. Вот

недавно шестидесятилетний мужчина выписался через две недели после пересадки, пошел домой просто огурцом. А вы молодая женщина, вам нужно жить, а не в больницах лежать. Сейчас главное срочно найти донора!

Я смотрела на доктора и думала о том, что многим нужно у нее поучиться. Один из самых знаменитых врачей древности Авиценна говорил: «У врача есть три средства в борьбе с болезнью – слово, растение, нож». Обратите внимание: слово на первом месте.

Она еще раз повторила, что и в какой последовательности необходимо делать, оставила свой номер телефона и велела держать ее в курсе всех дел.

Здоровым людям сложно будет понять, что значит получить четкий алгоритм действий в тот момент, когда ты полностью растерян, голова очень плохо работает из-за огромного количества лекарств, каждый шаг дается с огромным трудом, не говоря уже о поездке куда бы то ни было. Для меня это было так ценно, что кто-то взял за руку и повел по жутко запутанному лабиринту. Я не знала, что будет завтра, смогут ли мне найти донора или нет, но точно знала – здесь сделают все возможное для моего спасения.

Возвращаясь домой после консультации, радовалась тому, что наконец у меня есть план. И хотя было еще много нерешенных вопросов, настроение значительно улучшилось, чего нельзя было сказать о самочувствии.

В ожидании донора

Госпитализироваться на переливание крови пришлось раньше времени, чтобы не доводить ситуацию до крайности.

Сама удивилась, что стала относиться к лечению как к данности. Ну, приехала, оформилась, пришли медсестры, взяли кровь, сделали переливание. Все эти медицинские манипуляции меркли по сравнению с тем, что мне предстояло пережить в ближайшем будущем.

По привычке я старалась взять все хорошее от того, что происходит со мной здесь и сейчас. А учитывая, что в этот раз мне не планировали проводить курс этой жуткой химиотерапии, то радовалась даже этому обстоятельству. Радовалась и тому, что увижу друзей, мы обязательно обсудим последние новости и поднимем еще кучу интересных тем, которые отвлекут от дурных мыслей.

На улице уже пахло весной, и в этот раз я могла себе позволить ходить гулять. Идя вдоль пруда и наблюдая за тем, как потихоньку тает лед, вспомнила, что всю осень и зиму, глядя в окно из больничной палаты, каждый раз говорила себе: «Весна будет моя!» И вот эта маленькая цель достигнута. Ну разве не чудо? Весна всегда была моим любимым временем года, мне нравилось, как возрождающаяся природа дает старт новой жизни, наполняет все вокруг радостью и новыми начинаниями. Эти чудесные прогулки очень благотворно сказывались на моем настроении, отвлекали от повседневных реалий и позволяли немного перезагрузиться.

Но жизнь есть жизнь, и в этот раз получилось не очень

удачно с точки зрения соседства по палате: меня подселили к пожилой женщине, которая была очень молчалива и печальна, все мои попытки поднять ей настроение не увенчались успехом, и, будучи достаточно чутким человеком, я поняла, что ей максимально комфортно в тишине. Вот есть такие люди, которые приняли для себя решение, что от жизни ничего хорошего ждать не стоит, и переубедить их почти невозможно, ну, или очень сложно. Особенно тяжело с пожилыми людьми, которые не имеют особой мотивации к выздоровлению и к моим жизнеутверждающим лозунгам относятся скептически.

При малейшей возможности я старалась выходить из палаты, чтобы и соседке дать отдохнуть, и самой развеяться.

В соседней палате лежала моя подруга из Сочи с новенькой девочкой. Я узнала, что новенькая в депрессии, вплоть до панических атак, совсем не верит в выздоровление и не хочет бороться. Я зашла познакомиться или просто посмотреть на нее для начала. Девочка оказалась совсем молоденькой и, судя по всему, либо только узнала про диагноз, либо находилась в тревожном ожидании приговора. Как знакомо мне было это состояние, как не хотелось, чтобы кто-то испытывал подобное!

Я улыбалась, глядя на симпатичную блондинку с длинными волосами и грустными глазами. Вид у нее был растерянный, но все же незнакомка постаралась немного улыбнуться ради приличия. Я понимала, какое впечатление на нее

производят две лысые тетки в шапочках. Чтобы снизить градус напряжения, я завела веселую и непринужденную беседу. Всем своим видом мне хотелось показать нашей новой знакомой, что и здесь есть жизнь, а главное, мы планируем выздоравливать и не собираемся замыкаться в своих переживаниях.

На пару с подругой начали все больше вовлекать девочку в нашу веселую болтовню, узнали, что у нее двое детей, и это было замечательной новостью, так как дети всегда являются мощным мотиватором на пути к выздоровлению.

Мне хотелось как можно скорее зарядить новенькую на победу, поэтому я пустила в ход тяжелую артиллерию в виде рассказов о том, как в нашем отделении прекрасно лечат подобные заболевания, что совсем скоро она пойдет на поправку, и в этом даже нет сомнений. Девочка постепенно пришла в равновесие и стала поддерживать общий боевой настрой.

Шли дни, мы сдружились и уже вместе ходили гулять, устраивали чаепития и рассказывали друг другу смешные истории из жизни. Мне кажется, что я стала для новенькой тем маяком, каким в свое время для меня стала та лучезарная девчонка в первые дни моего пребывания в больнице.

Возможно, кто-то скажет, что в такие моменты должны помогать профессиональные психологи, а может, даже психиатры, и что это самонадеянность – считать, что, не обладая специальными знаниями, сможешь помочь человеку в подобной ситуации. Но, смею заверить, такая помощь даже ес-

ли не заменяет профессиональную, то в любом случае невероятно ценна. Что важно, мне самой доставляло большое удовольствие смотреть на то, как с каждым днем моя «подопечная» все больше обретает веру в себя, начинает строить планы на будущее и даже просто радуется повседневным мелочам. Все это наполняло особым смыслом мое пребывание в больничных стенах.

Тем временем я обнаружила в электронной почте письмо из Питера, конечно, очень разволновалась, даже не сразу открыла. Когда прочитала его содержимое, то решила, что, видимо, не до конца поняла смысл изложенного, но перечитав, убедилась, что все поняла правильно. В письме было четко и ясно сказано об отсутствии в российской базе данных доноров костного мозга совместимого со мной донора. Честно говоря, по законам жанра, я должна была отчаяться, наверное. Но не в этот раз. Если человек решил для себя, что должен выздороветь, то его уже ничто не остановит. Да, это именно так работает! И не нужно забывать, что я доверилась в руки Господа. Разве могла я усомниться, что он устроит все наилучшим для меня образом? Иногда нам кажется, что все валится из рук, ничего не получается, но, возможно, мы просто не способны увидеть задумку Всевышнего во всей ее гениальной простоте!

Поэтому я пошла и сообщила свою новость девочкам во вполне себе развеселой манере, чем вызвала когнитивный диссонанс. Ну что вы рты открыли? Все хорошо, найдется

для меня донор, вот увидите! Девчонки, естественно, меня поддержали, но немного сникли. Разные бывают препятствия на пути к выздоровлению, но это не повод останавливаться, подвела я итог. Для меня было важно, чтобы девочки уловили мою мысль. На их взгляд, я находилась в безвыходной ситуации, и мне было необходимо сломать стереотипы, чтобы они сами не сдались при малейшей проблеме.

Следующим шагом было переслать письмо заведующей трансплантационным отделением. Как только письмо было отправлено, я тут же получила ответ. Заведующая заверила меня, что рано делать какие-либо выводы, сказала, что после того как получит на руки результаты типирования, сама лично займется поиском донора. При этом добавила, что ждет меня у себя в отделении как можно скорее.

Вот и настал день выписки, я смотрела на всех тех, кто боролся за мою жизнь, и даже стало грустно. Уходя, я уносила в своем сердце их теплые взгляды, смешные истории, жизнеутверждающие наставления. Моя врач пришла попрощаться и сказала, чтобы я держала ее в курсе своих дел, ее всегда строгое и сосредоточенное лицо дрогнуло в искренней улыбке. Я знаю, как нелегко ей далось решение о дальнейшей стратегии моего лечения, но уверена, что она поступила профессионально и подарила мне путевку в новую жизнь!

Сразу после выписки из больницы я отправилась в отделение трансплантации костного мозга.

После недолгого разговора с заведующей и оформления бумаг пошла знакомиться со своим врачом.

С этого момента я всегда чувствовала себя в безопасности. Мой врач был невероятно четкий и конкретный человек, объяснял все предельно ясно и понятно, обладал отличным чувством юмора, все делал максимально быстро, а главное, не давал повода усомниться в правильности своих действий.

Мы наметили план необходимых мероприятий, обсудили все важные моменты, и я обещала быть на связи 24/7.

Теперь мне предстояло обследоваться в новом месте, но что радовало – для этого не нужно было ложиться в стационар, все необходимые исследования делались по назначению врача в определенные дни.

Я практически ежедневно приезжала в отделение. Мое утро начиналось со сдачи анализов крови, потом беседа с лечащим врачом и еще, например, УЗИ или КТ. Так же приезжали и другие пациенты, со временем мы уже начали узнавать друг друга, стали завязываться разговоры. Кто-то уже сделал пересадку и делился своим опытом, кто-то только готовился, а кто-то, как я, ждал донора. Что забавно – большинство моих собеседников жаловались, что у них все плохо! Одни негодовали, что сил совсем нет и вообще непонятно, чего дальше ждать, другие, что уж очень строгая диета – ну совсем ничего нельзя есть, третьи сокрушались, что врач у них не такой, как хотелось бы. У меня все это просто не

укладывалось в голове. Каждый раз я включалась в беседу с целью открыть людям глаза на то, как они неправы. Серьезно? Вас напрягает строгая диета? Прекрасно, что мы до сих пор живы, прекрасно, что сегодня есть способ вылечить наши болезни, в отличие от тех, кому не посчастливилось заболеть тем же самым лет десять назад. Казалось, что все это так очевидно.

Я все больше убеждаюсь в том, что человек странное существо. Мы привыкли что-то требовать от жизни, нам все время кто-то должен. Если у нас проблемы, в них обязательно кто-то виноват, чаще всего мы даже назначаем этого виноватого и тем самым снимаем с себя ответственность за происходящие. Да, без сомнения, так удобно, но это не решает проблему, а только затягивает нас в пучину страданий.

Но среди тех, с кем мне довелось общаться в отделении, можно выделить и тех, кто был очень сильно подавлен и сломлен, но наши беседы произвели положительный эффект, и даже несколько человек меня искренне со слезами на глазах благодарили за поддержку и перепрошивку сознания! Когда помогаешь человеку в сложнейшую минуту, не проходишь мимо страданий, то получаешь невероятный заряд позитивной энергии, это просто не передать словами. Человек меняется у тебя на глазах, в его мыслях зарождается надежда, это можно почувствовать почти физически. Тут вспомнились слова гениального Эриха Марии Ремарка: «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что

может быть больше этого?»

В процессе обследования выяснилось, что грибы в печени и селезенке, несмотря на продолжающееся лечение, по-прежнему присутствуют. Это усложняло задачу в случае трансплантации. По большому счету, с грибами вообще нельзя проводить процедуру. Но врач сказал, что будем решать проблемы по мере их поступления.

Между тем обследование подходило к завершению, и меня вызвала к себе заведующая. По ее взгляду я поняла, что новости не слишком хорошие, и оказалась права.

– Анна, у вас, к сожалению, очень редкий фенотип, мы просмотрели все российские реестры и не нашли ни одного донора со схожими генетическими параметрами. Вам, конечно, нужно было начинать поиск в самом начале лечения, тогда была бы возможность воспользоваться зарубежными базами, а сейчас на это просто нет времени, – сказала вкрадчиво заведующая, включив свой самый сочувственный взгляд.

– Я поняла, но что же мне делать?

– Вы говорили, что есть брат?

– Да, есть, но, кажется, ему нельзя быть моим донором.

– А давайте его обследуем?

– Как это сделать? Он в Израиле!

– Он может в Израиле сдать необходимые анализы, прислать нам, а мы разберемся. Да, давайте так и сделаем! Еще

я попробую выйти на зарубежные базы, может, удастся ускорить процесс.

Я не стала задерживать заведующую и вышла из кабинета. Сразу написала брату, отправила ему список необходимых анализов и поехала домой. На удивление я спокойно восприняла неприятную информацию, отнеслась к ней как к рабочему моменту, даже не хотела думать, что будет, если брат не сможет быть моим донором и другого донора тоже не смогут найти.

Брату удалось достаточно быстро сдать необходимые анализы. Как только получила результаты, отправила их своему врачу, который обещал проконсультироваться на всякий случай с очень хорошим инфекционистом. Через несколько часов я получила информацию о том, что у брата нет противопоказаний к донорству. Это было настоящее чудо! Я часто повторяю, что чудеса случаются с теми, кто в них верит, убеждаюсь в этом снова и снова.

Это был серьезный шаг к победе, но брату предстояло еще пройти типирование. Врач сказал, что нужно делать его как можно скорее, времени очень мало.

Брат делал все возможное, нашел клинику, где делают этот анализ, нашел гематологическое отделение, но столкнулся с определенными трудностями. Оказалось, что в Израиле не так просто сделать типирование, нужно обосновать необходимость его проведения. Учитывая то обстоятельство, что я прохожу лечение в Москве и все выписки,

которые у меня имеются, на русском языке, было сложно уговорить сотрудников клиники провести процедуру. Нужно отдать должное моему брату: он все-таки уговорил израильских медиков, и они взяли у него анализ. Оставалось только ждать и верить!

Мой врач очень волновался, что все делается медленно. Просил ускорить по возможности процесс, постоянно спрашивал про брата, даже настаивал на том, чтобы самому с ним пообщаться. Все это говорило о том, что времени у меня совсем не осталось. Странное чувство, когда стоишь на краю пропасти и от тебя ничего не зависит.

Наступил день моего рождения, и чтобы как-то отвлечься от всей этой истории, я купила билеты на теплоход-ресторан, который курсирует по Москве-реке, и мы всей семьей, включая родителей мужа, отправились в замечательный мини-круиз. В конце мая уже были достаточно теплые дни, и речное путешествие было весьма кстати. Я старалась получить максимум удовольствия от прогулки, от общения с семьей, от оживленной, наполненной радостью атмосферы, которая резко контрастировала с больничными буднями. Мы весело болтали, ели и смотрели на пробегающие за окном пейзажи. Все здесь напоминало мне о том, что я все еще жива.

От брата пришло сообщение. Сначала я приняла его за поздравление с днем рождения, однако оказалось, что пришли долгожданные результаты типирования. Я смотрела на непо-

нятные символы и думала: «Вот от этих буковок и циферок зависит моя жизнь!» Хотелось скорее переслать сообщение врачу, но, с другой стороны, было страшно вдруг узнать, что брат мне не подходит в качестве донора. Когда я все-таки решилась и отправила сообщение доктору, время замедлило свой ход, и началось мучительное ожидание. Я уже с трудом улавливала нить разговора, который оживленно шел у нас за столом, нога предательски отстукивала чечетку, а выбор десерта превратился в сложнейшую нерешаемую задачу.

Из ступора меня вывел загоревшийся дисплей телефона, я отчетливо поняла, что пришел ответ врача. Не откладывая в долгий ящик, открыла сообщение и перечитала его несколько раз: «Добрый день. Брат подходит. Узнавайте, когда самое раннее он сможет прилететь. Чем раньше, тем лучше». У меня задрожали руки, на глаза накатили слезы. Оглядевшись, поняла, что все смотрят на меня и ничего не понимают.

– Подходит... – как-то неуверенно произнесла я. – Брат подходит!

Все смотрели на меня, пытаясь переварить услышанное, потихонечку до всех стало доходить, что происходит. Началась радостная суэта, все меня поздравляли, глаза блестели от слез счастья.

Впереди меня ждало еще много сложностей, но начало было положено!

Трансплантация

Брат прилетел через неделю, как только сумел завершить

дела по работе. Все происходило очень быстро, нас обоих начали готовить к трансплантации.

Очень часто мне задают вопросы о том, какие сложности подстерегают донора во время трансплантации, при этом выдвигают версию, что у донора что-то вырезают из спины. Основная масса людей не имеют представления, насколько просто стать донором костного мозга и тем самым спасти человеческую жизнь. Согласно, информации на эту тему крайне мало. Мой брат тоже плохо представлял себе, что ему предстоит, но согласился, не вникая в подробности, зная, что это мой последний шанс.

После четких указаний врача мы стали готовиться к предстоящей процедуре. Брат должен был прийти в назначенный день и сдать клетки костного мозга. Это очень похоже на обычное переливание крови, при котором у донора берут кровь из вены в течение четырех часов. При этом кровь прогоняется через специальный аппарат и частично возвращается обратно через вену на другой руке. Процедура эта совершенно безопасная, но немного неприятна для человека, который боится колоть вену.

В свою очередь, у меня состоялась обстоятельная беседа с врачом о том, как будет проходить трансплантация, какие могут возникнуть проблемы и осложнения и как минимизировать негативные последствия.

Первое, на что следовало обратить особое внимание, это то, что у нас с братом была совместимость 50%. Это ми-

нимально возможная совместимость для трансплантации, в идеале должна быть 100%. Многим удавалось найти полностью совместимого неродственного донора, но я была рада, что мне пересадят клетки родного брата. Словосочетание «родная кровь» приобрело теперь особое значение для меня. Тем не менее с такой совместимостью было необходимо проводить дополнительный двухдневный курс сильнейшей химии для профилактики РТПХ (реакция «трансплантат против хозяина»), при которой донорские клетки атакуют организм реципиента.

Еще одной проблемой были грибы в печени. Обычно перед трансплантацией необходимо полностью устранить такое состояние, но ждать было опасно, был огромный риск рецидива болезни, при котором трансплантация невозможна. Этот ребус предстояло решить моему доктору.

В моем восприятии болезнь – это война, врач в ней воин, а пациент мирный житель, и от того, насколько профессиональный и храбрый воин, зависит жизнь и благополучие мирного жителя. Своему воину я полностью доверяла и готова была идти за ним, не задумываясь о последствиях.

Оценив все риски, мой врач решил проводить трансплантацию, но под прикрытием противогрибковыми препаратами. Уверена, что нашлось бы немало врачей, которые не пошли бы на подобный риск, ссылаясь на какие-нибудь инструкции или общепринятую практику.

Таким образом, был назначен день, когда я должна была

явиться с вещами и заселиться в стерильный бокс. С одной стороны, мне хотелось скорее пройти этот путь, с другой – было страшно.

Отчетливо помню тот день, когда я в сопровождении мужа подходила к зданию гематологического корпуса. Смотрела на его старинный фасад и думала о том, что впереди меня ждет неизвестность, на миг даже подумалось: «Выйду ли я отсюда, или, может быть, это мое последнее пристанище?» Быстро отогнала от себя подобные мысли и настроилась, как всегда, на победу!

Мы подошли к автоматическим дверям, перед которыми я когда-то стояла и пыталась угадать, что же происходит за ними в этих загадочных боксах. Здесь нам предстояло расстаться. Мы крепко обняли друг друга, и я отправилась за медсестрой в отведенный мне бокс.

Подойдя к одной из палат, медсестра нажала на клавишу на стене, и огромная дверь начала свое неспешное движение. Моему взору открылось достаточно просторное помещение, разделенное на два блока. Сначала мы зашли в первый блок, в котором находился шкаф для одежды, холодильник, столик со стерильными халатами, шапочками, перчатками и бахилами (все это предназначалось для медицинского персонала, который будет заходить ко мне). В этом же блоке была дверь в санузел, где находились туалет и душевая кабина.

Следом мы зашли во второй блок, в котором были функциональная кровать, прикроватная тумбочка и стойка с ин-

фузоматами (устройства для контроля длительного введения препаратов). Такая стойка была у меня во время введения суточной химии в другой больнице, но там был только один инфузомат, здесь их было четыре. Именно такую стойку можно увидеть в различных фильмах и передачах, рассказывающих о пациентах, находящихся в процессе трансплантации костного мозга. Больше в боксе ничего не было, это абсолютно стерильное пространство не предполагало лишних предметов, которые могут стать источником различных инфекций.

Я потихоньку разложила свои немногочисленные вещи в шкаф и тумбочку, села на кровати и стала ждать врача. Чрезмерное возбуждение не позволяло сосредоточиться на каком-то деле, и я просто смотрела в окно. Это был первый день лета, и погода была прекрасная, самое время для неспешных прогулок в парке и единения с природой. Мне определенно нужно было скорее выздоравливать, чтобы успеть насладиться этой порой.

На руке у меня был белый кожаный браслет, который скручивался по спирали и состоял по сути из нескольких тонких браслетиков, на которых были мотивирующие надписи: «Жизнь прекрасна», «Все будет хорошо», «Улыбнись, ты все сможешь», «Верь в себя», «Действуй, все получится», «Следуй за мечтой», «Наслаждайся моментом». Кому-то это покажется смешным или даже нелепым, но мне он очень помогал, я часто на него смотрела и невольно улыбалась, как

будто он подтверждал мои мысли. Несколько раз у меня в голове зарождалась искра сомнений относительно победы над болезнью, но хватало одного случайного взгляда на браслет, чтобы увериться в своих силах вновь.

Пришел врач. Он, как всегда, излучал уверенность, которая мгновенно передавалась и мне, как по волшебству.

– Ну что, начнем?

– Да, – бодро ответила я.

– План такой. Сначала обсуждаем алгоритм действий на ближайшую неделю, каждое утро обсуждаем алгоритм на день. В выходные будут дежурные врачи, но ты мне все сообщашь про себя по ватсапу, мне важен первоисточник. Все вопросы решаем сразу, ничего не скрываем и не откладываем на потом. Первым делом ставим центральный венозный катетер, так как капельницы будут суточные как минимум три недели. Можно будет отключаться на пятнадцать минут в день, чтобы помыться.

В первый день было запланировано начать кондиционирование, которое длится около семи дней и необходимо для снижения риска отторжения донорского материала и развития РТПХ. По сути это химия. Также было назначено еще много разных капельниц, некоторые из них были суточными.

Как только был поставлен катетер, подключили капельницы. Врач все держал на контроле и просил постоянно отписываться. Особенно его волновала моя реакция на один из препаратов, и он просил меня написать, когда начнется его

введение. Когда начали вводить препарат, доктор велел сообщать ему каждые пятнадцать минут о самочувствии. Такое отношение врача к своему делу вызывало огромное уважение, особенно учитывая, что его рабочий день был давно закончен и он руководил процессом уже из дома.

Препарат действительно переносился достаточно непросто, было что-то похожее на аллергическую реакцию, при которой сильно закладывало нос и становилось тяжело дышать. Каждые 15 минут я писала ему о своих ощущениях, опираясь на это, доктор связывался с медсестрой и давал ей указания, что нужно делать. В какой-то момент я уснула, так как получила дозу Супрастина и не написала в назначенное время врачу. Доктор написал мне сам, когда не ответила, позвонил и так отрезвляюще сказал:

– Будет обидно, если ты задохнешься во сне, не засыпай, пожалуйста!

Тут я взяла себя в руки и как могла боролась со сном. После того как препарат ввели полностью, стало немного отпускать и самочувствие улучшилось.

Первый день оказался весьма утомительным, и я быстро уснула тревожным сном, пытаюсь привыкнуть к тому, что на мне куча трубочек, присоединенных к инфузоматам, и это надолго.

В шесть утра у моей кровати уже стояла медсестра со стерильным столиком и меняла бутылочки на капельнице, после чего я опять заснула и проснулась где-то через час от

звука открывающейся двери. В палату зашел мой врач, как всегда, энергичный и с улыбкой на лице. Оказалось, что он всегда приходит на обход очень рано, один из первых. В руках он держал какие-то баночки, похожие на детские жидкие йогурты.

– Это тебе белковое питание. Будешь пить минимум две в день, можно больше, – сказал доктор и протянул их мне.

– Спасибо.

Я взяла питание и поставила на тумбочку. Доктор подробно расспросил о самочувствии, рассказал, что ждет меня в ближайшие двадцать четыре часа, и побежал по своим делам.

Я осталась сидеть в звенящей тишине со своими мыслями. С одной стороны, я понимала, что это лечение с совершенно непредсказуемым результатом, с другой – все страхи и сомнения были позади! Процесс был запущен, и я чувствовала, что двигаюсь в правильном направлении. Максимально сконцентрировалась на победе, желала ее каждой клеточкой своего истерзанного организма и для достижения своей цели максимально точно исполняла рекомендации врача.

Очень важным фактором, способным повлиять на результат лечения, было питание. Здесь были жесткие ограничения. Под запретом было почти все: жареное, молочные продукты, сырые овощи и фрукты, выпечка и готовая еда из магазинов и общепитов. Таким образом, мое питание было ограничено больничной пищей. В целом это не вызыва-

ло больших проблем, так как аппетита особо не было, а белковое питание восполняло недостающие калории и было достаточно сытным.

Доктор велел по возможности ходить по палате, пока на это есть силы, и я исправно путешествовала по всему периметру бокса, толкая перед собой тяжелую стойку с капельницами. Голова была мутная от нескончаемых лекарственных препаратов, которые только успевали менять один на другой. От химии все время было легкое подташнивание. Когда общалась с семьей по видеосвязи, то почти сразу очень сильно уставала.

В боксе постоянно проводилась уборка. Сначала приходили с влажной уборкой, мыли и дезинфицировали все вокруг, вплоть до стен. Затем санитарки протирали и дезинфицировали тумбочку и другие поверхности, это делалось несколько раз в день.

Весь медперсонал был очень вежлив и доброжелателен, старались откликнуться на любые просьбы. Все безупречно выполняли требования к стерильности, каждый, кто заходил в мой блок, надевал чистый стерильный халат, маску и перчатки.

Нужно отметить, что с тех пор я пересмотрела свой взгляд на бесплатную медицину в нашей стране. Было огромной удачей оказаться в руках настоящих профессионалов своего дела. Это были не бездушные роботы в белых халатах, они не относились к своему делу формально, мы, пациенты, не

были для них всего лишь строчкой в отчетности.

Время шло очень медленно, но мне хотелось заполнить смыслом каждую минуту. Пережитое очень сильно отразилось на моем восприятии жизни. Если раньше я хотела скорее перемотать серые рабочие будни и улететь в отпуск на море либо окунуться в атмосферу какого-то праздника, то сейчас каждый дарованный Богом день казался праздником сам по себе, каждый восход солнца был прекрасным подарком. Все это является доказательством того, что счастье внутри нас и если человек несчастен, то он может изменить все вокруг, но не найти в этом радости, а изменившись сам, вдруг обретет гармонию.

Между тем я находилась в боксе, из которого не имела возможности выйти. Заниматься каким-либо делом я долго не могла, даже просмотр любимых фильмов быстро утомлял. Появилась возможность услышать свои мысли. На удивление, все, что занимало мой разум, – это прекрасное будущее после выздоровления. Я точно знала, что больше не буду тратить свое драгоценное время на пустых людей, на социальные сети, в которых можно погрязнуть в пучине лжи и даже не заметить, как превращаешься в такого же вымышленного персонажа, как большинство тех, за кем по привычке в них наблюдаешь. Этот иллюзорный мир, в котором принято не быть, а казаться, больше не будет ограничивать мою свободу, и как когда-то в юности, я смогу отстоять свою индивидуальность. Все это было похоже на генеральную уборку,

так вот взяла и вымела весь мусор из своей головы и из жизни. Особенно это было актуально в свете последних событий. Уже через несколько дней мой костный мозг должен прекратить свое существование, а его место займут новые донорские клетки. Когда, если не сейчас, начинать новую жизнь?!

С этими мыслями прошел еще один день, а вместе с ним был сделан еще один твердый шаг.

Следующие дни были очень похожи один на другой. Я проводила время в раздумьях и молитве, когда были силы, смотрела фильмы либо вышивала. К такому ритму жизни я уже давно привыкла, научилась получать от него максимум удовольствия.

С каждым днем вставать с кровати становилось все сложнее, но я помнила слова своего врача и делала разминку каждый час. Накапливающаяся химия вызывала тошноту, даже несмотря на противорвотные препараты. Но, по большому счету, все это было вполне терпимо, особенно, когда мозг занят чем-то интересным.

С братом мы были все время на связи. Его около недели готовили к процедуре сбора клеток. Для этого он каждый день приезжал на полчаса в больницу. Затем в специально оборудованной процедурной комнате его усадили в удобное кресло, поставили катетеры в обе руки и подключили аппарат, который должен был отделять стволовые клетки от других компонентов крови. Другими словами, собиралась кровь из вены одной руки, нужные для пересадки клетки отделя-

лись, а остальные отправлялись обратно через другую руку. Вот так и просто, и сложно одновременно происходит данная процедура. Процесс занимает около четырех часов, и после этого донор может уходить домой.

Когда клетки были собраны, брат сразу отправил мне радостное сообщение, в котором было очень важное для меня напутствие: «Мои клетки вытащат тебя, ты только их прими»! Этот посыл как нельзя лучше передавал невероятный характер моего брата. Всегда немногословный и деликатный, он первым приходил на помощь в трудную минуту. Так было и с мамой: когда она болела, он помогал ей во всем, был рядом в последние дни ее жизни. Поэтому я могла только гордиться, что в моих жилах будет течь кровь такого прекрасного человека.

И вот настал день, с которого будет вестись отсчет моей новой жизни. Врач пришел, как всегда, рано утром и сообщил, что мы начнем процедуру пересадки костного мозга в 15:00. Я думала, что давно готова к этому событию, но оказалось, что не совсем. Ближе к указанному времени пришла медсестра и начала подготовку: установила на моей тумбочке монитор для отслеживания жизненно важных показателей, подобные стоят обычно в реанимации. Затем она подключила кислород в специальное отверстие над моей кроватью. Эти манипуляции вселили в меня чувство тревоги!

Пришел врач, в руках у него был мешочек с теми самыми спасительными клетками. В этом пакетике умещалось мое

будущее, мои надежды и мечты, мое все. Невольно вспомнилась живая вода из детских сказок, ее всегда приносили тогда, когда все остальные средства были бессильны.

– А для чего нужен монитор и кислород? – спросила я, устремив на врача испуганный взгляд.

– Хочешь мира – готовься к войне, – с улыбкой ответил доктор и повесил пакетик с донорскими клетками на стойку с капельницами.

Затем он ненадолго вышел из палаты, чтобы завершить текущие дела, а я осталась в обществе медсестры.

Тут в моей голове произошло «короткое замыкание», и меня просто прорвало. Слезы покатились ручьем. Даже не знаю, что вызвало такие эмоции... То ли все эти приготовления навели на мысль о серьезной опасности, то ли страх, что организм не примет донорские клетки... Медсестра принялась меня успокаивать, сказала, что такое часто бывает, многие паникуют непосредственно перед процедурой. При этом уверила, что все будет хорошо и монитор с кислородом устанавливают на всякий случай, обычно они не пригождаются. Постепенно меня отпустило. Еще немного поговорив с медсестрой, я успокоилась. Когда пришел врач, стало и во все легко и спокойно на душе. Умел он все-таки разрядить обстановку своим шутливым настроением.

И вот медсестра получила команду подключить донорские клетки к системе, и процесс был запущен. Вся процедура должна была занять четыре часа. Я лежала, не отводя

глаз от капельницы с бурой жидкостью. Все мысли были направлены на принятие моих новых клеток. Подсознательно внушала себе, что это мои родные клетки и они будут существовать во мне в полной гармонии. Вместе с тем я прислушивалась к своим ощущениям, внимательно следила за реакцией организма.

Четыре часа прошли совсем незаметно, за это время я успела поговорить с близкими, чтобы их немного успокоить, и сама таким образом отвлеклась от переживаний. Когда пакетик опустел, медсестра отключила систему и ушла. Так завершился еще один важный этап моего лечения.

Нужно сказать, что трансплантация любого органа не заканчивается непосредственно на самой пересадке. Это всегда очень сложный и непредсказуемый период. Пожалуй, именно во время реабилитации врач применяет весь свой профессионализм, важно ничего не упустить, все проконтролировать и вовремя принять верные решения.

После пересадки донорского органа всегда необходимо применение иммунодепрессантов, призванных подавлять иммунитет для предупреждения отторжения этого органа. В связи с этим я получила новые пилюли. Их количество и дозировка должны были регулироваться врачом весь период применения данного препарата. Также для профилактики РТПХ я два дня получала очень едкую химию, на которой у большинства пациентов случалась сильнейшая рвота. Врач заранее попросил меня приобрести специальные про-

тиворвотные таблетки и инструктировал, когда и как их принять. К сожалению, стандартные препараты здесь были бессильны. Еще с разрешения врача я запаслась несколькими баночками Кока-колы, которая, как известно, хороша в решении подобных проблем. В итоге я вполне сносно перенесла эту химию, преодолев очередной рубеж без особых приключений.

Теперь осталось ждать, когда заработают мои новые клетки. На это отводилось около двух недель.

Каждое утро я просыпалась и первым делом благодарила Господа, что чувствую себя нормально, температура не поднялась, никаких неприятных симптомов не появилось. Да, слабость, но я была вполне в состоянии сама себя обслуживать, ходить раз в день в душ и совершать пятиминутные путешествия по палате.

Аппетита особо не было, но я заставляла себя есть и исправно выпивала две бутылочки белкового питания в день.

Хоть и медленно, но дни сменяли один другой. Все шло своим чередом, и мой врач был доволен тем, как протекает реабилитационный период.

К концу второй недели реабилитации у меня очень сильно разболелась спина, боль была настолько интенсивная, что терпеть ее было практически невозможно. Я сразу написала своему врачу. Ответ пришел неожиданно быстро: «Похоже на приживание костного мозга! Я попрошу медсестру сделать тебе обезболивание». От полученной новости даже боль

немного притупилась, а после обезболивания практически прошла.

На следующий день анализы показали, что клетки начали расти. Спина уже не болела, и эндорфины, полученные от прекрасной новости, подарили мне неожиданный прилив сил. За окном лето окончательно вступило в свои права, и я широко открыла окно во втором блоке своей палаты. В помещение ворвалась волна чистого, ароматного воздуха. Я села на широченный подоконник, обняла колени руками, закрыла глаза и вслушалась в звуки природы. Шелест листьев, птичий переполох, капель, напоминающая о недавнем дожде... Все в этом дне было прекрасно. Слезы счастья катились по моим щекам и дальше по растянутым в широкой улыбке губам. Мне хотелось пережить этот момент очень тихо, чтобы не спугнуть свое счастье.

Жизнь после трансплантации

Я пробыла в больнице в общей сложности три недели. Врач сообщил мне, что после удаления катетера можно ехать домой. Чемодан был собран молниеносно, и я уже сидела на низком старте в ожидании медсестры. Похожее состояние у меня было каждый раз в роддоме, когда я ждала выписки с малышом: огромный путь пройден, впереди еще много сложностей, бессонные ночи, но сейчас ты победитель, и этим все сказано!

Удалить катетер – пятиминутное дело, и вскоре я уже выходила через те самые двери, которые были барьером между

стерильной и просто чистой зонами отделения. Я уже знала, что на ближайшие месяцы маска на лице станет неотъемлемой частью моей жизни. Ну и пусть, недавняя пандемия научила относиться к этому совершенно спокойно.

Мой врач никогда не заставлял себя долго ждать и уже летел ко мне со списком лекарств, которые будет необходимо принимать дома. Поставил меня в известность, что теперь моя иммунная система полностью перезагрузилась и ее состояние – как у младенца, ей придется заново знакомиться со всеми существующими вирусами, придется заново делать все прививки. Следом он напомнил мне про строжайшую диету, про то, что нужно временно свести свои контакты к минимуму, и рассказал, как будем дальше с ним взаимодействовать. Пожелал мне удачи и отпустил домой.

Я могла остаться и подождать мужа в отделении, но на это мне просто не хватило терпения. Схватив чемодан, пошла потихоньку на улицу. Выйдя из корпуса и отойдя от него на приличное расстояние, обернулась и вспомнила тот день три недели назад, когда еще не знала, что меня ждет впереди. Тогда фасад был в тени и вызывал тревожные чувства, а сейчас он был в лучах солнца и соответствовал моему душевному состоянию в полной мере.

Теперь я жила в определенном ритме. Приблизительно через день мое утро начиналось со сдачи крови, затем беседа с врачом, который вместе со мной отслеживал малейшие от-

клонения от нормы в моем самочувствии, допрашивал каждый раз с пристрастием, не появилось ли каких-то новых симптомов. Это мини-обследование продолжалось около получаса, затем я могла ехать домой. Каждый раз, выходя из здания больницы, ощущала невероятную свободу, которую может оценить только тот, кто когда-то был ее лишен. Я садилась за руль своей «ласточки», приоткрывала окно и с удовольствием проживала этот дивный полет. Двигаться вперед – вот что нравилось мне теперь больше всего.

На мое счастье, я очень люблю готовить. Поэтому непростая диета всего-навсего бросила мне вызов. Постоянно придумывала интересные блюда и совершенно не страдала от строгих ограничений в еде.

Что касается социальной активности, то мне несказанно повезло, что было лето и я могла встречаться с друзьями на улице, гулять в парке и даже сидеть на летней веранде уютного кафе. Моя жизнь совсем не казалась мне ограниченной, скорее наоборот – сейчас я как никогда чувствовала, что живу в полную силу!

Время побежало очень быстро, и вот уже прошел месяц моей новой жизни. Врач пригласил меня на пункцию костного мозга, а также было необходимо сделать анализ, позволяющий определить, какой процент донорских клеток заполняет мой костный мозг. Все это стандартные тесты, которые проходят все пациенты после трансплантации.

Анализы превзошли все мои ожидания. Костный мозг

был чист, а процент донорских клеток составил 99 с лишним процента. Врача очень радовали результаты лечения, но расслабляться он мне не позволял, так как в любой момент могла возникнуть реакция «трансплантат против хозяина».

Чуть позже действительно начались небольшие проявления этой реакции, но совсем в незначительной форме. Местами появлялась мелкая сыпь, с которой легко справлялись специальные мази. Периодически я цепляла на себя различные вирусы, с которыми успешно справлялась, используя симптоматическое лечение, согласованное с врачом. В целом все, как у здорового человека.

Постепенно я осмелела и стала ходить в маске рано утром, когда меньше народу, на различные выставки, в кино, магазины. Незаметно расширялся круг общения, и количество активностей тоже постоянно росло. Все реже нужно было посещать больницу, и в конце концов я стала приезжать раз в месяц на пункцию костного мозга и анализы.

О том, что это был не сон, напоминала таблетница на кухонном столе и ежик на голове, остальное прошло без следа.

Шли дни, наступила осень. Прошел год с момента, как я узнала, что больна. Тяжелейший год моей жизни, который перевернул все с ног на голову и сделал меня абсолютно другим человеком.

У детей намечались каникулы, и я озадачилась, чем их занять в этот период. Тут в голову пришла идея поехать в Ди-

веево в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, который является четвертым и последним Уделом Божьей матери на земле. Мы там уже были и нашли прекрасную гостиницу с отдельными семейными домиками, что было особенно удобно, учитывая мою ситуацию. Я загорелась идеей поездки, так как это была прекрасная возможность устроить небольшое путешествие с пользой для души. И еще я вспомнила обещание, данное мной в маленькой часовне при больнице. Тогда я сказала, что если поправлюсь, то приведу в порядок христианскую составляющую жизни своей семьи. К сожалению, до моей болезни мы все меньше и меньше уделяли этому внимания.

В этот раз не хотелось ехать просто так, не подготовившись. Уже давно меня мучила мысль, что старшие дети еще ни разу не исповедовались, нужно было это исправить.

Меня радовало, что дети подошли к вопросу очень ответственно и готовились к исповеди без послаблений, хотели следовать нашему с мужем примеру. Так что все вместе ходили на службу и исповедовались накануне поездки. В эти дни мы много говорили о Боге, разбирали библейские сюжеты. Оказалось, что у детей накопилось много вопросов по теме, и мы вместе во всем разобрались.

И вот мы уже мчим по недавно отстроенной дороге в сторону Нижегородской области. Настроение прекрасное, играет музыка, дети болтают на всевозможные темы. За окном проносятся покрытые золотом и пурпуром пейзажи, впереди

несколько дней безмятежной монастырской жизни.

Дивеево встретило нас ярким солнцем и чистыми улыбками местных жителей. Как же хорошо было приехать в это местечко! Было ощущение чего-то родного. Дети отправились заселяться в домик, пока мы беседовали с хозяином гостиницы, который всегда любезно встречал своих гостей.

– Как вам повезло, ребята, столько дней шел проливной дождь, а сегодня прям резко распогодилось и выглянуло солнце!

– Что, правда была плохая погода? Совсем не похоже.

– Да, так поливало, что нос на улицу не высунешь. Ладно, хорошего отдыха!

После небольшого перекуса мы отправились в монастырь. Осенью это место было особенно прекрасно. Не было безумного потока туристов. Мы наслаждались тишиной и размеренным укладом монастырской жизни. Когда приезжаешь из Москвы и еще находишься в ритме мегаполиса, то особенно ярко ощущается контраст с невероятным спокойствием обители.

Бредя по уже знакомым тропинкам, мы все невольно улыбались, предвкушая ту радость, которую подарит нам это замечательное место.

На следующее утро мы пришли в монастырь на службу. В этот день ее проводил митрополит Нижегородский и Арзамасский. Храм был полон прихожан, и мы с детьми встали в первых рядах, чтобы было побольше воздуха. Служба была

какая-то особенная, торжественная и запоминающаяся. Дети с достоинством отстояли и уже готовились к причастию, когда появились монахини, которые следили за порядком во время службы. Они с очень серьезными лицами начали распределять потоки людей с учетом того, что причащать должны были одновременно четыре священнослужителя. Мы стояли, обдумывая, к какому потоку присоединиться. Вдруг одна из монахинь посмотрела на моих детей и спросила: «Будете причащаться?» Они хором ответили, что будут. Та открыла калиточку и велела им зайти за ограждение. Когда дети прошли, она неожиданно и меня вместе с ними потянула. Я не очень поняла, что происходит, но через минуту я уже стояла в небольшой очереди на причастие, в которой было всего несколько стареньких монахинь и около десяти детей. «Так странно, – подумала я, – другие очереди просто громадные, а эта маленькая какая-то и за ограждением». Только в момент причастия до меня дошло, что причащает меня сам владыка. Такие чудеса в Дивеево происходили со мной постоянно.

После причастия мы отправились в гостиницу. День был невероятный. Ярко светило солнце, небо было синее-синее, на душе было очень светло и легко, как бывает, когда прикасаешься к чему-то прекрасному. Я смотрела на счастливые лица своих детей и мужа, и мне захотелось остановить этот миг.

Проходя по небольшому мостику через речушку Вич-

кинзу, я вдруг вспомнила, как мы шли по нему год назад. Вдруг на меня нашло какое-то озарение... Этот тяжелый год на самом деле был дорогой к себе! Без всего пережитого я не смогла бы насладиться сегодня этим моментом – моментом, ради которого стоит жить! Обернувшись, взглянула сквозь наворачивающиеся слезы счастья на переливающиеся на солнце купола и тихо, но от души произнесла: «Слава Богу за все!»

За два месяца до всех событий

Пришло время отправлять сына на хоккейные сборы. Еще ни разу его от себя так далеко не отпускали.

– Боязно как-то, – высказала я мужу свои переживания.

– Да не волнуйся, он ведь с командой, все будут без родителей, – парировал муж.

– Я привыкла, что мы всегда вместе, – не сдавалась я, – грустно...

– Ну хочешь, давай посмотрим, что там рядом есть? Может, снимем домик какой-нибудь, недалеко от сына будем и на природе поживем.

– А хорошая мысль!

– Слушай, там совсем рядом Дивеевский монастырь! – воодушевился муж.

– Класс! Я хочу туда! Там и с жильем проблем не будет, ведь место-то туристическое.

Посадив сына в автобус, заполненный до отказа ликующими мальчишками, мы тоже отправились в путь. Конечно,

хотелось, чтобы мы ехали в полном составе, но что поделать. Малышка спала, старшая слушала в наушниках что-то свое, мы с мужем планировали, что и в какой последовательности будем делать, когда приедем.

Путешествовать мы очень любили, еще когда старшие дети были маленькими, часто ездили за границу. Да и по России успели поездить, много где были.

Приехав в гостиницу, сразу расположились в отведенном нам домике. Я начала разбирать чемоданы, разложила на кровати свои новые платья и представила, как буду смотреться в них на фоне монастыря. Должно быть красиво да и в соцсети будет что выложить. Подошла к зеркалу, расчесала свои густые длинные светлые волосы, собрала их в пучок на макушке... Образ сложился! Именно так должна выглядеть мать благородного семейства. Сейчас еще поработаю над нарядами домочадцев, нужно ведь, чтобы мы гармонировали! Перед походом в монастырь заглянем в гостиничную кафешку, интересно, что там вкусенького есть...

Сытые и довольные, идем в монастырь. Лето в самом разгаре, вечер очень теплый. Легкий ветерок подбирает мою длинную юбку. Муж везет коляску с малышкой, та с любопытством разглядывает все вокруг, старшенькая держит меня за руку и со свойственным ей весельем делится своими впечатлениями.

В монастыре жизнь кипит, толпы туристов пытаются успеть написать записочки, приложиться к мощам, закупить

сувениров. И еще ведь нужно на Канавку сходить, раз приехали.

Монастырь был по-настоящему прекрасен, я всегда очень проникалась подобными местами, но здесь была особая благодать, я это сразу заметила даже сквозь будничную суету.

Зашли в один из храмов, народу там было немного. К мощам Серафима Саровского стояла небольшая очередь, мы в нее встали. Пока стояли, я завела внутренний разговор с батюшкой Серафимом. Приложившись к мощам, решили еще постоять на службе, пока малышка не начнет капризничать. Надолго нашу егозу не хватило, и муж вышел с ней, дав мне возможность еще побыть наедине со своими мыслями.

Когда служба закончилась, все устремились к выходу, мы с дочкой решили не лезть в толпу и пережидали в сторонке. Вдруг слышу голос монахини: «Кто поможет убраться в храме?» Тут я неожиданно сама для себя вызвалась.

Мне выдали тряпку и ведро, рассказали, что и как делать, и определили место, где я должна буду мыть пол. Еще несколько помощников напросились мыть около мощей, а меня поставили на самом проходе. Сначала проскочила мысль, что хотелось бы у мощей тоже прибираться, но потом подумала, что, видимо, недостойна пока, сразу как-то смирилась и принялась за работу.

Странное дело: я мыла храмовый пол, и слезы текли из глаз, так это было благодатно! Только проводила тряпкой, и кто-то обязательно в этом месте оставлял следы, занятие бы-

ло почти бесполезное, но это совершенно не вызывало негативных эмоций, скорее наоборот. Тут одна из монахинь, буквально пролетая мимо меня, схватила за руку и потащила за собой. Подвела к чудотворной иконе Серафима Саровского, к которой не было доступа обычному люду, сняла ограждение, всучила мне тряпку и велела тщательно отмывать лесенку и ковер под ней. Эмоции меня просто захлестывали, руки тряслись от необычайного благоговения. Я принялась наводить чистоту, и так мне хотелось приложиться к иконе! Но посчитала, что это будет неправильно, ведь к иконе никого не подпускают обычно. То, что мне разрешили постоять тут на коленях с тряпкой в руках, это уже бесценный подарок. Тут через меня начала пробираться шустрая прихожанка, на что получила замечание от монахини, но это не остановило страстный порыв дамы, и она с видом победителя припала к иконе. Я смотрела на нее снизу и думала: какая странная сцена, и я в ней главное действующее лицо. После уборки сразу выбежала к своим на улицу и даже не знала, как изложить суть того, что только что со мной приключилось, так как сама еще не до конца во всем разобралась.

Мы шли в гостиницу каждый в своих мыслях. Внутреннее ликование от пережитого заглушало все другие мысли и эмоции.

На следующий день было принято решение поехать купаться на речку с песчаным пляжем, местечко нам посоветовал хозяин гостиницы. Настроение было отличное, погода не

подвела, и все были в предвкушении водных развлечений.

Собрав все необходимые вещи, мы прыгнули в машину и уже мчались сквозь живописные пейзажи Нижегородской области. Вдалеке мы заметили монаха в монашеском балахоне с капюшоном, он стоял у дороги в надежде остановить попутку, но никто не останавливался. Одновременно нам с мужем пришла в голову идея подвезти путника, дабы он не зажарился под палящим солнцем.

Монах оказался совсем стареньким и очень приятным в общении. Гость очень деликатно завел невероятно содержательную беседу. Но каково было удивление, когда он начал отвечать на те вопросы, которые нас давно мучили, но что еще более странно – мы их ему не задавали. Все это было невероятно, как во сне. Перед тем как выйти из машины, монах протянул мне листочки, на которых ровным почерком, почти печатными буквами были написаны авторские проповеди. И если честно, то не останься у меня этих рукописей, можно было бы усомниться в реальности происходящего. Оставшуюся дорогу до пляжа мы ехали в полном молчании, пытаясь переварить услышанное.

На следующее утро я проснулась очень рано, крутилась с боку на бок, но заснуть больше так и не удалось. Все еще спали, и я решила прогуляться до монастыря. В столь ранний час народу в монастыре совсем не было, и ноги сами понесли меня на Канавку. По преданию, батюшка Серафим приказал вырыть Канавку, чтобы незабвенна была тропа, по которой

ежедневно проходит Божья Матерь, обходя свой удел.

На всегда многолюдной Канавке почти никого не было, только несколько монахинь совершали свое неспешное шествие в абсолютной тишине и, казалось, не замечали ничего вокруг себя. На Канавке принято читать сто пятьдесят раз Богородичное правило, поэтому по ней часто ходят с четками. Так как четки у меня были, то не пришлось заикливаться на деталях, молитва как-то сама проистекала в моем сознании, я только перебирала руками косточки. Сама удивилась тому, насколько горячей и душевной была эта молитва, она происходила из самого сердца, не была обычной читкой для соблюдения формальностей. Чувство невероятной благодати посетило меня тогда, передать словами это невозможно. Кто-то, наверное, отметит мою излишнюю впечатлительность, другие вообще, может быть, решат, что с головой у меня не все в порядке, но это пережитое мной состояние останется в моей памяти как доказательство святости этого места.

После Канавки я отправилась гулять по территории монастыря, в голове появилась мысль, что нужно что-то менять в жизни. И казалось бы, все у меня хорошо: любимый муж, прекрасные здоровые красивые дети, есть крыша над головой, и работа тоже есть. Полный комплект благополучия, чего еще желать? И все-таки где-то в глубине души у меня зрело зерно сомнения. Инстинктивно я понимала, что жизнь моя подчинена исключительно удовлетворению базовых по-

требностей себя и своей семьи, а также получению различных удовольствий. Я просто не замечала никого кроме себя самой и своих близких, а если и замечала, то частенько осуждала. Иногда проскакивала мысль о благих делах, но этот порыв разбивался о якобы отсутствие свободного времени и другие нелепые отговорки. Правильно ли это? Полезно ли это для души?

В таких мыслях я дошла до очередного храма, который неприметно стоял немного в стороне. Всю территорию монастыря постепенно наводнил народ, а тут почему-то никого не было. Подойдя поближе, я не поверила своим глазам. Оказалось, что это тот самый Казанский собор, который, по преданию Серафима Саровского, во время второго пришествия Иисуса Христа вознесется на небо.

Зайдя внутрь собора, я очень сильно удивилась, что там абсолютно никого нет. В других храмах просто невероятные толпы, а здесь совсем пусто. С удовольствием я побывала в этом маленьком, но таком значимом соборе и уже собиралась уходить, но что-то меня остановило. Когда я проходила мимо церковной лавки, на глаза попала табличка, в которой предлагалось заказать молебен о здравии на целый год. Я встала перед лавкой и задумалась. С одной стороны, на здоровье я особо не жаловалась, а с другой – дети частенько болеют. Думала-думала и вдруг решительно подошла и заказала молебны на год для всей семьи. Вышла из храма и с чувством того, что сделала что-то правильное, отправилась

в гостиницу.

За завтраком мы решили ехать на святой источник Серафима Саровского. Хотелось посетить все достопримечательности.

Источник находился совсем недалеко от монастыря, и мы быстро до него добрались. Оставив машину на небольшой парковке, отправились к источнику. По дороге нам встретился мужчина, который спешил нас расстроить, что источник на ближайшие дни закрыт на генеральную уборку в связи с грядущим праздником. Мы было расстроились, но наш собеседник посоветовал посетить другой источник – Явления Божьей Матери. По словам мужчины, этот источник совершенно не заслуженно редко посещается туристами, в основном туда едут знающие паломники.

Добраться до источника оказалось не так просто. Сначала череда крутых поворотов, дальше извилистые проселочные дороги. Очевидно, найти этот источник, не зная, где он находится, просто невозможно. Наконец мы добрались до места, где, по всей видимости, нужно было оставить машину, дальше предстояло идти пешком. Мы выгрузились и отправились по узкой тропинке в сторону указателя с названием источника. Так мы очень быстро оказались у аккуратных деревянных сооружений, в которых находились купели. Их было две. Судя по табличкам, одна предназначалась для монахов, а другая для остальных желающих окунуться. Несмотря на то что источник был в значительном удалении от дороги,

народу было немало. Мы заняли очередь и стали осматривать окрестности. На стене одного из домиков висела икона Богородицы и еще табличка с текстом. Пользуясь тем, что наша очередь еще не подошла, я с интересом все изучила. Любопытно – по преданию, Серафим Саровский открыл всем нам, что Царица Небесная умывает здесь каждый день Свое лицо, идя в Дивеево. Появилось ощущение, что Богородица ведет меня за руку по своим стопам.

Вдруг народ, находящийся в очереди, обратился к нам с предложением идти в купальню для монахов.

– Идите-идите, вот прямо всей семьей! Там очереди нет, быстренько окунетесь с ребеночком. Зачем мучить малышку долгим ожиданием?

Сначала было неловко, я вежливо отказалась. Но народ стал настаивать, и мы все-таки решили пойти.

Окунаться в такой источник само по себе было волнительно, а в монашеской купели ну просто невероятно!

Эта череда неслучайных случайностей требовала серьезного осмысления. Одно для меня было совершенно очевидно: дивное Дивеево – удел Пресвятой Богородицы, если человек прикасается к такому чуду хоть раз, то ничто в его жизни уже не будет как прежде!

Я уезжала из Дивеево с ощущением грядущих перемен. Тогда еще не знала, что уже нахожусь в начале очистительного пути, что приеду на эти святые земли через год совсем другим человеком. Если бы только можно было прислать се-

бе письмо из будущего, то в нем было бы написано: «Это испытание нужно тебе, потом все встанет на свои места, но ты уже не будешь прежней! Ты будешь мудрей и не будешь обращать внимание на всякую мишуру, будешь ценить каждый глоток воздуха, каждый светлый день! Господь тебя любит и дарит тебе возможность увидеть то, что другим не доступно...».

P.S. Подруге из Сочи провели трансплантацию костного мозга в моем отделении через пять месяцев после меня, все прошло прекрасно, донором стал ее совершеннолетний сын. Девочке с паническими атаками пересадили ее собственные стволовые клетки, и она победила свою лимфому. Аналогичную процедуру провели и художнице, у нее тоже все хорошо.